Тропами вереска

Автор:
Марина Суржевская

Тропами вереска

Марина Суржевская

В самой чаще леса, там, где не поет птица, где не ходит дикий зверь – живет ведьма. Лицо ее – рытвины и бородавки от дел греховных. Голос – воронье карканье. Тело – хвостатое да рогатое, ни мужское, ни женское – звериное. Рыщет ведьма по лесам и болотам, жертву невинную ищет, разодрать хочет да крови напиться. А потом сплясать на останках в свете луны, с диким гиканьем да ухахатыванием… Вот такие сказки рассказывают в наших краях. Страшные. И что делать, если сказки не врут? И если каждая из них – обо мне.

По лесам-оврагам тропами вереска.

Гиблыми местами, в казённых приисках.

Я бродил, бередил ой да душу грешну

Самородками жёг,

Янтарём тешил…

Часть 1

День выдался погожим, ясным. Солнышко светило по-летнему, хоть и осень уже мазнула лес золотом, разрумянила да обагрила алым. Так что я даже кожух не

взяла, только платок накинула, и то больше, чтобы ягод в него собрать, чем для тепла.

Саяна вилась рядом, каркала почем зря. Вот думаю, может, она, зараза, беду и накликала. Разозлюсь как-нибудь, да сварю чертовку на обед, хоть и бестолку. Ворона старая, ощиплешь – одни кости да кожа пергаментная. Крыло сломано, летать почти не умеет, вот и сидит на моей голове, как на болотной кочке.

Звери не лютовали, отъелись за летние месяцы. К утру лишь пара подранков появилась, но их волки утащили, одни следы и остались. И то лишь мне видные. Я дошла до опушки, туда, где стояла, склонившись, моя березка, убрала ветви любовно. Листочки на ней уже зазолотились, стали похожими на монеты. Я улыбалась, прислушиваясь к току ее соков, к тихому говору, а ведь скоро заснет зимним сном, так и поговорить не с кем будет.

Саяна недовольно каркнула, напоминая о себе.

– С тобой-то какие разговоры? – оборвала я воронье негодование. – Тебе лишь бы падаль посочнее!

Ворона зыркнула желтым глазом, каркнула. Негодует, значит. Обидчивая она к старости стала, ранимая. Тяжело свалилась с моей головы и поскакала неловко, гневно щелкая клювом. Я хмыкнула.

Снова вернулась к березе, провела рукой между веточек. Сухих больше стало, и на них уже наплел паутину мохнатый паук. Я прогонять не стала, дом ведь его… Пусть от сухих ветвей хоть польза будет.

Постояла, вздыхая и разглядывая небесную синь, яркую, какая лишь по осени бывает. И гуси уже в теплые края потянулись, значит, и деньки погожие скоро пройдут. Как ни хорохорится лето, а придется ему потесниться, подвинуться. И снова ждать своего срока…

Я зацепила взглядом гуся, летящего с краю косяка. Тяжело летит, натужно. Не видать ему теплых стран, сил не хватит… Вскинула арбалет в один миг, спустила болт. Тяжелая тушка упала в овражек, а я усмехнулась. Знать, поживет еще Саяна – гуся на обед сварю.

***

Варево уже закипало, когда я насторожилась. Да и Тенька зашевелилась, вскинула остроухую морду, зашипела. Я сняла пенку, отставила котелок, задумалась.

– Тише, – успокоила я хлессу, – не шипи. Гость у нас, – постояла, прислушиваясь и раздумывая, пускать или нет. Можно и занавесить домик, укрыть деревьями, спрятать лесной тенью. Уже сейчас я знала, кто идет ко мне. Служитель пожаловал… Идет по лесной тропке уверенно, хоть и держит в руках все свои знаки охранные. И молитву бормочет. Глупый. К ведьме в логово – и с молитвой.

Но, видимо, синь небесная и лес румяный разнежили меня, или просто соскучилась я в своей норе, но решила: пусть проходит. Посмотрим, что за человек и с чем пожаловал. А то скоро и речь людскую позабуду, так привыкла со зверьем и деревьями общаться.

Гость явился через полчаса. Застыл у порога и снова свои присказки забормотал. Я его не видела, но чуяла. Мужчина. Молодой, не старше меня будет. Пахнет приятно – здоровый, значит, даже зубы все целые, что нынче редкость.

– Ну, входи, чего мнешься, – сказала я, помешивая бульон. Гость, услышав мой голос, замер, видать, думал незаметно подкрасться. А потом распахнул дверь и вошел. И снова застыл, моргая, пытаясь что-то разглядеть в полутьме сторожки после яркого света. А рассмотрев, попятился, руку вскинул, чтобы лоб священным солнцем осенить, да передумал, так и застыл.

– Вот это правильно, – усмехнулась я. – Со своими молитвами в чужую-то обитель… Чего пожаловал, служитель? Неужто повязать ведьму решил? Один?

Я расхохоталась, а он снова чуть вздрогнул. Но не отвернулся: зубы сжал, глаза прищурил, рассматривает. Я тоже рассмотрела, не стесняясь. Хорош. Очень даже. Девки, небось, в его обитель толпой прут, на красавца такого посмотреть. Высокий, плечи еле в дверь мою вошли, волосы белые, собраны в низкий хвост. А глаза с синью небес спорят. Одет в черные штаны и рубаху с белым воротничком, сверху – плащ-сутана. Сапоги в пыли, все носы сбиты, видать издалека идет. И оружие на боку. Рукоять затертая, и сталь кровью не раз напитанная, не игрушка… А вот это уже интересно: служитель, да с клинком.

И силы много. Не той, что в руках, хотя и этим Шайтас не обидел, а той, что внутри живет. Да что говорить, вон как мои тропки распутал, завороженные и заговоренные. Зверь обходит, а тут человек прошел. Такой и повязать может… Только вижу, не затем пришел.

– Звать как? – прохрипела я.

– Ильмир, – чуть запнувшись, выдавил он.

Я хмыкнула. Надо же, не соврал служитель. Не побоялся, что, зная имя, наложу на него чары, заколдую… Хотя что мне имя его, если я душу вижу? И черноты в ней столько, что сама преисподняя позавидует.

– Так чего тебе, Ильмир, служитель божий, в логове ведьмы понадобилось?

Он губы сжал в одну линию, нахмурился. А потом выдал:

– Проводи меня в Омут Шайтаса, ведьма.

Я от такого даже онемела, что со мной сроду не случалось. А потом захрипела, так что Саяна закаркала и на голову мне села, свесив клюв и кося на незнакомца одним глазом. Испугалась, бедная. Служитель от такой картины напрягся, руку в кулак сжал, скользнул пальцами по рукояти клинка. Но тут же убрал. Молодец. Не дурак.

– И что же тебе в Омуте делать, служитель? – отсмеявшись и утерев с лица кровавые слезы, что из глаз выступили, спросила я. – Там твоего бога нет.

– Своего бога я знаю, где искать, – глухо проговорил он. – Только он мне не помощник. А что я в Омуте делать буду, не твое дело, ведьма. Твое – проводить. Дорогу указать. Все вы, темные отродья, путь туда знаете. Без тебя мне Омут не найти.

Мне смеяться перехотелось. Теперь я жаждала этого прихвостня светлого бога на кусочки разрезать, да в овражке закопать. Чтобы лютики по весне желтые взошли, да поярче.

– А зачем же мне делать это, служитель? – с насмешкой спросила я и махнула рукой, подзывая Теньку. Хлесса подошла, ткнулась в руку треугольной башкой, раскрыла пасть, показав гостю все свои клыки, которых у нее было столько, что даже я до сих пор не пересчитала. Мужчина побледнел, но не отошел, даже за клинок хвататься не стал. Хоть и видно, что повело беднягу от ужаса. И то понятно: хлесса моя размером со здорового волчару вымахала, да и волки рядом с этим зверем безобидными домашними шавками кажутся. Хлесс в лесу и медведь обходит и птица-клют облетает. А люди боятся пуще огня, потому как огонь – милосерднее.

– Я тебе заплачу, – выдавил служитель, отцепил от пояса кошель, бросил на лавку. Я снова расхохоталась, Саяна закаркала, а Тенька рыкнула. Это у нее отрыжка после свежатинки – наелась перьев гусиных, глупая…

– И на что мне твое золото, – я хлопнула себя по коленке, – может, на платья? Или на украшения потратить? А может, с пчелами за мед расплатиться? Что мне с твоими монетами делать, а, служка божий?

Он, кажется, растерялся. Но смотрит упрямо, исподлобья, лишь чернота в душе клубится. Непроглядная.

– Тогда сама плату назначь, – хмуро предложил он. – Хочешь, могу и душу…

Я помолчала, рассматривая его. И то, что я видела, мне ох как не нравилось. И ведь не уйдет же, разве что и правда – в овражек.

– А что, может, и назначу… плату, – протянула я, вышла в кружок света от окошка, приблизилась. – Зачем мне твоя душа, служка? Никакого прока от нее… А вот тело мужское сгодится…

И облизнулась плотоядно.

Служитель совсем побелел. Решил, что я его или есть собралась, или в постель потащу. И похоже, «есть» для него было бы предпочтительнее… Он уставился на меня и явно ведь постарался скрыть охватившее нутро омерзение, а все равно я заметила.

Да и неудивительно. Я-то знала, что именно он видит. Конечно, людская молва преувеличивала, и слизи на лице не было, но и без того картина уродливая и неприглядная. Нос тонкий, длинный, крючком загнутый, кожа зеленью отливает, в струпьях вся. На голове – воронье гнездо из серой пакли, а по бокам два рога торчат. Одета в балахон потрепанный, рваный местами. Сама тощая, как жердь, ни одной выпуклости женской нет. А самое страшное – глаза. Желтые, звериные, с красными прожилками. А от век во все стороны по лицу узоры черные плетутся, метки Шайтаса. Одним словом – ведьма.

– Так что, согласен ублажить меня, служка? – покрасовавшись в луче света, спросила я. – Хорошо так ублажить, по-настоящему. С нежностями и ласками, словами любовными. Как невесту ненаглядную. Готов? Да не раз, а пока мне не надоест. Тогда, может, и проведу тебя в Омут, если удовольствие доставить сможешь.

В синеве его глаз уже плескался откровенный ужас, но смотрел прямо, глаз не отводил. Даже когда я хвост вытащила и вокруг его ладони обвила. А он тонкий, крысиный, безволосый почти. Мне не мешает, а вот люди пугаются так, что вонять начинают. А этот ничего, держится, не дрожит даже.

– А может, я тебя просто словом божьим поражу или клинком, а, ведьма? – прохрипел он, когда я хвостиком вдоль его тела прошлась и облизнулась.

Нет, все-таки, дурак. А жаль.

– Ох, смилуйся, – проскулила я, – только не словом! Пощади, служитель!

Он посмотрел на меня с подозрением.

– Только молитвы не читай, загорюсь, как лист сухой, рабой твоей стану! – продолжила измываться я. Саяна закаркала-захохотала, и я зыркнула на нее недовольно. Служитель склонил голову, подумал и хмыкнул. И к моему удивлению, доставать свои молитвенники не стал.

– Согласен, ведьма. Пусть по-твоему будет.

Я даже опешила. Да уж, удивил… Сильно, видать, в Омут хочет, раз на ведьму залезть готов. Я скривилась теперь уже сама.

– Согласен делать все, что пожелаешь, только срок укажи, – продолжил он. – Справлюсь – проводишь к Шайтасу. Договорились?

Я нахмурилась. Да уж, не ожидала я такого расклада. С другой стороны, не отстанет ведь, по глазам вижу. Значит, сделаю так, чтобы сам ушел, не выдержал, сломался… Человек в логове ведьмы долго не продержится, а служитель – подавно. На третьи сутки завоет, понесется по оврагам, охая от ужаса, да молитвы свои твердя. Вот тогда посмеюсь славно. А до того пусть поработает, мне давно пора лачугу подлатать, а желающих помочь что-то не находится. Мишку бурого просила, так он только забор обвалил и ушел в свою берлогу, да и что с него взять, с косолапого.

– Идет, служитель. Срока тебе – луна. Делать будешь все, что ни прикажу, слушаться во всем, рабом моим станешь. Ясно тебе?

– Ясно, – кивнул он. – Клятву дай, ведьма. Темную, чтобы лес слышал.

Я помолчала, уже жалея, что согласилась. И откуда этот прихвостень про клятву ведает? Ох, чует душа моя, зря я это затеяла…

Но кивнула.

– Хорошо. Даю тебе клятву, пусть услышит лес души моей. Но если сбежишь раньше срока, сам, по своей воле договор расторгнешь, не будет у клятвы силы. И дорогу ко мне навсегда забудешь. И меня. Повтори, служитель светлого бога Атиса.

Мои волосы взлетели, закружили вокруг головы змеями, зажглись огнем тьмы желтые глаза, засияли, как огни на болоте. Только и сейчас служитель не испугался, кивнул, положил ладонь на сердце, соединил силу души и тела. И откуда знает только? И клятву повторил. Лес потемнел на миг, нахмурился тучами, так что стало в сторожке темно, как в полночь, а потом снова полился в окошко дневной свет. Но клятву лес души моей услышал… И принял.

И почудилось, что все же зря я это затеяла …

– Только уговор, – хмуро буркнула я. – На полной луне уйдешь из леса. Близко не подойдешь до самой зари, понял?

– Понял, – спокойно сказал он. – А почему?

– Безумной стану, – оскалилась я. – Совсем. Горло разорву, не замечу. Сил мне на полной луне Шайтас горстями отмеряет, а ярости – ведрами.

Он кивнул, а я дернула плечом и пошла в закуток, суп доваривать. Ничего, все равно до полной луны этот чистюля здесь не продержится. Завтра же будут пятки его по тропке сверкать… Уж я-то постараюсь.

***

Суп успел настояться, пока я с незваным гостем говорила, мясо гуся развалилось, хоть какая-то польза от болтовни. Все же старая птица была, жилистая и жесткая. А теперь вроде мягонькая. Служитель потоптался на пороге, да за мной двинулся, отчего Тенька рыкнула грозно. Я хлессу приструнила, посмотрела в звериные глаза.

«Не трогать», – приказала.

Тенька снова рыкнула, оскалилась, говоря, что и не собиралась клыки о человечину пачкать – так, пугнуть разве что. Я потрепала ее по жесткой щетине, вернулась к котелку, попробовала бульон. Не оборачивалась, но служителя всем нутром чуяла. Да и тесно как-то стало в моей лачуге, не рассчитана сторожка на двоих. Испокон века ведьмы в одиночестве дни коротают. Да и ночи тоже. Служек таких с интересными предложениями мало как-то. Или вовсе таких нет, один вот ненормальный сыскался.

Я зыркнула на него через плечо. Стоит, к косяку привалился, бледный, того и гляди в обморок свалится. Под глазами синь до черноты залегла.

– Чего смотришь? – буркнула я. – Садись за стол, гость дорогой. Потчевать буду.

Он послушно сел, придержал клинок, чтобы не звякнул. Привычно придержал, не задумываясь, значит, давно с оружием ходит… да, что ж за птицу такую мне послал Шайтас?

Я бухнула перед ним деревянную миску с похлебкой, кинула ложку и кусок хлеба. Как собаке – кость. Обидно чтобы.

А он ничего, не поморщился даже. Только в тарелку уставился, а на лице такое выражение застыло мученическое. Уж чему-чему, а рожи корчить их первым делом учат, чтобы прихожан разжалобить и монет побольше стрясти. Этот своей синевой в глазах и плечами широкими, наверное, состояния сколачивал… и чего ему в теплой обители не сиделось?

От этих мыслей я снова разозлилась. Хотя злиться на себя надо, нечего пускать было. А все из-за тех веточек сухих на березе расстроилась… Гоню эти мысли, а они все лезут в голову, сладу нет. И страшно от них так, что хоть волком вой. Я и вою порой зверем лесным, да толку от того…

– Из чего это? – выдавил из себя служитель. А сам принюхивается, и вижу ведь – живот пустой совсем, несколько дней голодный, а еще перебирает… Я села напротив, отломала себе ломоть лепешки побольше, откусила. И, схватив ложку, принялась споро уплетать суп. Дел еще невпроворот.

– Жаба, две крысы и слизняков парочка, – ухмыльнулась я. Не хочет есть – пусть голодный ходит, я его кормить не обязана. Выловила косточку, кинула хлессе, та поймала на лету, схрумкала. Вот ненасытная. Саяна каркнула с насеста.

Служитель вздохнул, осторожно опустил ложку в похлебку и аккуратно поднес ко рту. Глотнул. Посидел, прикрыв глаза. И вторую так же медленно, с наслаждением. А ведь вижу, что пальцы подрагивают, так хочет ложку откинуть, да поднести тарелку к губам, отпить жадно, чтобы сразу половину и даже не разжевывая. Ан нет. Сидит, окунает, подносит. Глотает. Вздыхает. И опять.

Я даже засмотрелась.

– Ты из благородных что ли? А, служка? – не выдержала я. Обмакнула лепешку в остатки бульона, собрала хлебушком и в рот отправила. Еще и пальцы облизала.

Он даже не поморщился. Только в глазах мелькнуло отвращение, но и то лишь на миг. Не смотрела бы так внимательно, проморгала бы. Но я смотрела.

– Мое происхождение тебя не касается, ведьма, – тихо сказал он. – Как и цели. Твое дело до омута проводить, вот и весь сказ.

Я хмыкнула.

– Уговор забыл, Ильмир? Я спрашиваю – отвечай.

– Уговор про другое был, – медленно сказал он и посмотрел остро. – Про мои дела. А вот душу не тронь. Сама сказала, ни к чему она тебе. Вот и не лезь.

Тенька рыкнула. Я бы тоже рыкнула, да передумала. Что ж, может, и прав служитель, ни к чему мне его россказни. И своих говорить не собираюсь.

– Ну, тогда принимайся за дело, – блеснула я клыками. А они у меня волчьи, длинные да желтые. Ильмир чуть не подавился и ложку отложил – видать, отбила аппетит. Ну и хорошо, а то сожрет все, а мне еще Теньку кормить…

– Прямо сейчас? – опешил он.

– А когда же еще? – изумилась я.

– Так день на дворе…

Я посмотрела, подумала, даже за косицу свою подергала. Вот Шайтас, да он, никак, правда решил, что ублажать меня требуется! В делах любовных. А днем не по божьему вроде как… Ох же! Зверь лесной, чащоба дикая!

– Да и что тебе день? – хмыкнула я и носом дернула. – Ведьмам, знаешь ли, без разницы, что день, что ночь. Когда плоть позвала, тогда и тешимся. Что же ты, служитель, в логово ведьмы да без понятий пришел? Не знаешь что ли, что Шайтасу все равно, с кем и когда, а нам, дочерям его, и подавно?

Саяна косила на меня желтым взглядом изумленно, Тенька лапой нос закрыла, даже мыши порскнули по углам. Видать, в лес побежали, весть страшную понесли: сошла ведьма с ума…

Служитель еще бледнее стал, хотя куда уж больше. Но губы сжал упрямо, в глазах— бесконечность синяя, пропасть можно. Отстегнул перевязь с клинком, развязал тесемки сутаны, снял, сложил аккуратно. И шагнул ко мне, склонил голову, чтобы травы мои и корешки, висящие на притолоке, не сбить. Протянул руку и положил мне на талию. Я чуть не заорала. Да неужто этот чистюля и впрямь целовать собрался? Меня? Ведьму? Чудовище лесное? А он к себе притянул, решительно так, словно суженую…

Тенька рявкнула, да так, что у служки волосы зашевелились, а я из рук его вывернулась, отошла.

– В другой раз, служитель, – сказала как можно ехиднее, – не хочется сегодня что-то. Видать, с косолапым ночью перетешилась. Иди-ка ты дрова колоть лучше, все ж польза.

И увидев, какое облегчение и отвращение разлилось в синеве его глаз, снова разозлилась. На себя, правда. И зачем пустила? Зачем мне это? Прогоню…

***

К вечеру за сараюшкой образовалась целая поленница из ровненьких, одинаковых дровишек. Служитель нарубил их столько, что на всю зиму хватит, не придется мне за хворостом каждый день бегать, тащить помаленьку, да сушить. Глядя на то, как споро он орудует топором, я засомневалась, что пришлый из благородных. Те ничего тяжелее веера да хлыста отродясь в руках не держат. Но и тем, и другим орудуют споро: веером, чтобы лица лживые прикрывать, хлыстом – чтобы наказывать. Или просто так отходить, от скуки…

Я тряхнула головой, возвращаясь взглядом к служителю. Разгорячился, пот по виску стекает, а рубаху с воротничком белым так и не снял. Может, боится, что не устоит ведьма при виде тела мужского, накинется да на лежанку потащит?

Я покачала головой и ушла в лес. Даже говорить ничего не стала.

Погода к вечеру испортилась: подул северянин, обрывая еще лишь прихваченные желтизной листья, и я пожалела, что не взяла кожух. Где-то в чаще выл зверь, и я прислушалась. Но слишком далеко, пусть у меня и ведьмин слух, а не человечий. Упала оземь, раскинула руки и вышла из тела. Схватила в полете горлицу, направила – пусть повременит с делами своими. Птица от испуга сначала провалилась, как в пропасть, но я придержала, успокоила. Посмотрела на лес ее глазами. И снова поразилась их остроте: на версты увидела, каждую ветку рассмотрела, и впереди, и по бокам, и сзади почти. Но играть времени не было, зверь выл за молодыми сосенками, чесал лапой бок, в котором стрела застряла. Я заклекотала негодующе. Плохой охотник – зверю мучение. И мне головная боль. Не убил лисицу, ранил, а та мучается теперь.

Птицу отпустила с благодарностью, вернулась в тело, полежала, приходя в себя. Столько лет, а все к полетам не привыкну, перед глазами и сейчас все плывет. После ясного да острого птичьего глаза – как слепая вновь, ничего не вижу.

Но медлить не стала, побрела, принюхиваясь. Пока дойду, глаза вновь по-человечьи видеть начнут, а пока и нюх сгодится. Зря, что ли, мне Шайтас нос таким длинным сделал?

Стрелу я вытащила, придержала лисицу, чтобы не торопилась бежать. Смешала землицу с успокой-травой, растерла пальцами. Плюнула пару раз. За водой идти к ручью некогда, и так сгодится. Рану зверю замазала, да наказала не вылизывать, поберечь. И отпустила. Знаю, что уже к вечеру лизать начнет, не сдержится, пусть и ведьмин указ получила. Да и ладно. До того уже затянется все, новой кожицей зарастет.

***

Тучи налетели нешуточные, снежные, и я нахмурилась. Рано еще. Токи в деревьях бурлят, заморозит северный ветер, выстудит. Я закрутилась волчком, затопала, заухала совой, призывая стихию. Северко злился, выходить не хотел, но я за бороду его косматую схватила, дернула.

– Чего ругаешься, Шаисса, – прохрипел Северко, сверкнул глазами-льдинами. – Время мое пришло…

– Рано, Северко, рано! Повремени, старый! Разгуляешься еще! Не губи деревья, молодые не выдержат, силен ты больно!

Северко хмыкнул в бороду, но улыбнулся, так, что вьюга завьюжила. Был у него грешок, любил, когда хвалят старого… Я и хвалила, соловьем просто разливалась. И красавец он, и силен, и шуба снежная – сама Зимушка оглядывается. Он слушал да кивал, верил. Знать, хорошо врала, правдиво.

– Ладно, уболтала, Шаисса, повременю, – проскрипел старый хрыч да убрался на север, подальше от моего леса.

Я с облегчением перевела дух, села на пень. Саяна привычно опустилась мне на голову, сбила пегие волосы, чтобы удобнее было. Бороться с вороной я давно бросила, на редкость упрямая птица досталась. Каждый раз на моей макушке гнездо устраивает, хорошо хоть яйца не откладывает – видимо, все же опасается в суп попасть.

Сил не было даже встать, все же тяжело стихию так долго держать. Руки тряслись, как лихорадочные, тело потом ледяным обливалось, сердце в трясучей заходилось. Хотела еще к березке сходить, да поняла: до лежанки бы доползти. Я и поползла, почти по-звериному, и о незваном госте-то забыла совсем. У околицы присела, поняв, что и шагу больше не сделаю, тут останусь до утра.

Сапоги со сбитыми носами подошли и застыли, а сам служитель окинул меня взглядом.

– Что с тобой, ведьма?

– Ничего, – буркнула я. Подол задрался, обнажив костлявые изодранные коленки, и он скривился. Отвращение в синих глазах мне словно сил прибавило, встала, держась за оградку, поковыляла в лачугу. И словно впервые ее увидела. Никогда не задумывалась, как мое жилище выглядит, что с ведьминой норы возьмешь? А сейчас вдруг поняла, как на это пришлый смотрит: убогое все, покосившееся, закопченное. Травами и нутряным жиром пропахшее. Не человеческое.

А и ладно. Что мне до мыслей служки, в его обители потолки высоченные, белые и золотые, росписью украшенные. Вот пусть туда и убирается. А мне и так

сойдет.

Доползла до лежанки и упала, отвернулась к стене. Даже Теньку не покормила, так устала. Но зверюга моя не обиделась, подошла, легла рядом, согрела теплым боком. Я лежала, рассматривала зарубки на деревянном брусе, что каждую ночь перед глазами, и все ждала, когда же пришлый спросит, где ему спать. Лежанка-то в лачуге одна, второй сроду не водилось. Но так и не дождавшись, заснула.

***

Проснулась от мерного стука топора и поначалу даже не поняла, откуда он. Вскочила, так что хлесса на пол упала, рявкнула спросонья, прихватила меня зубами за бок. Я ей по ушам дала, чтобы на хозяйку зубы не скалила, и Тенька заскулила жалобно, виниться начала. Но я с ней разговаривать не стала, вышла во двор, щурясь от яркого солнышка. Северко не соврал, далеко убрался, за море, так что у нас снова стало тепло, почти по-летнему. Это хорошо, успеют деревенские урожай убрать, к зиме подготовиться. И лес мой еще постоит золотой, побурлит соками, а снежком укроется тихонько, засыпая. Я смотрела, улыбаясь, но тут вспомнила о служителе и скривилась. Вот же напасть на мою голову…

Пошла на звук. Ильмир над поленницей навес строил, добротный такой, из хороших, высушенных солнцем бревен. И движения все спокойные, ровные, без суеты – видать, знает, что делает. Я постояла, тенью укрывшись, да в дом пошла. От вчерашнего гуся ничего не осталось, забыла я половинку тушки в подпол убрать, вот хлесса и добралась до запаса. Я стеганула животину по хребту и вздохнула. Зря ругаюсь, сама виновата. Все из-за этого прихвостня забыла, а на зверя гневаюсь. Оскалилась, глянув на мужчину из окошка. Ладно, посмотрим, какой он храбрец. Побыл и будет.

– Эй, служитель, – окликнула его, выходя на крыльцо. – Отложи-ка работу на время, непогода повременит. А вот обед – нет. К болоту сходи, жаб набери, да пожирнее. Можешь еще пиявок парочку. Топи чуток. И поворачивайся, жрать охота.

Он отложил топор, утер со лба пот. Постоял, разглядывая меня. Наверное, при свете дня совсем уж картина жуткая… вот и хорошо.

– Чего застыл? Может, ты еще и глухой вдобавок? Совсем Шайтас меня не щадит.

– Сколько? – глухо спросил он.

– Чего сколько?

– Жаб сколько? И пиявок.

– Да сколько в мешок влезет. Болотце там, по тропке…

– Найду, – коротко бросил служитель и пошел к моим покосившимся воротцам, забрав свой клинок. Я хмыкнула, провожая взглядом его спину. Ну, даст дух лесной, больше не свидимся.

И пошла в дом, выкинув служку из головы.

И каково же было мое изумление, когда этот прихвостень не только явился, но и притащил целый мешок, в котором квакало и шевелилось. И тушку зайца.

– Я подумал, что из зайчатины суп вкуснее, – спокойно сказал он. – Но если ты предпочитаешь жаб, вот они.

Квакуши запрыгали в мешке, переживая. Я окинула мужчину злым взглядом. Вот уж наглость дивная.

– Что ты есть будешь, то мне решать, – прокаркала я не хуже Саяны. – А заяц этот молодой совсем, даже первого выводка не дал, а ты его…

– Да и хорошо, – нахмурился он непонимающе, – у молодых мясо нежнее… И суп наваристее.

Вот тогда я совсем озверела, дернула мешок с квакушами.

– Во двор иди, пяток почисти на суп, остальных обратно в топь отнеси. В котелок тех, что с желтыми бородавками, да не перепутай. Я с красными не люблю,

горчат…

– Относить обратно зачем? Можно ведь … впрок оставить, – вскинул он бровь. И красиво так вскинул, изысканно. Я вздохнула, оскалилась.

– А я лишь свежатинку ем! Завтра новых наберешь. Иди, Ильмир.

Он постоял, глядя на меня. И кажется, с трудом удерживаясь, чтобы не свернуть ведьме шею. Но удержался. Развернулся резко и вновь к болоту утопал. А я следом пошла, тенью укрывшись. Поманила из чащи духа лесного.

– Что ж ты, батенька, чужаку дорогу стелешь? – нахмурилась. – Запутать не можешь?

Дух глаза виновато опустил и руками развел.

– Так путал, Шаисса. Так уж тропки запетлял, сам чуть не заблудился. А этот – нашел. Размотал, как клубок, раскатал до самого твоего дома. Ты уж не гневайся.

Я пошамкала губами, смахнула хвостом сухой лист. Вот дела, подкинул мне забаву Шайтас…

Духа я отпустила – не его вина. Дошла до болотца, посмотрела, как служитель жаб из мешка вытряхивает. Скривился, как на кислое, еще и мешок пустой пнул. И сел на землю, обхватил голову руками, застыл, чуть покачиваясь. Квакуши попрыгали по кочкам, торопясь сбежать, пока в котелок не угодили. Но Ильмир, кажется, их не видел – сидел, сжав виски, да так, что на руках вены синие вздулись.

А потом вдруг вскочил и одним шагом рядом оказался. Глаза бешеные, лицо перекошенное, клинок тускло сверкнул почти у горла моего. Сама не знаю, как отшатнуться успела.

– Кто здесь? – выдохнул Ильмир. Я застыла, потянула тени, укрылась. А сама дышать боюсь. И смотрю внимательно в бледное лицо. И в черную душу. Как же он меня почуял? Ведь и хлесса порой обманывается, а этот распознал. Пусть не

до конца, но все же…

А Ильмир снова клинком взмахнул, и лицо спокойное стало, а глаза холодными такими, что и Северко бы позавидовал.

– Ведьма, – глухо проговорил он. – Знаю, что ты здесь. Хоть и не вижу. – Он склонил голову, убрал сталь в ножны. Подобрал мешок и пошел к лачуге. А я присела на кочку, размышляя.

***

Супчиком жабьим я служителя все же накормила. Чтобы место свое знал. Пришел к ведьме, так и живи по-ведьмински. Подобрала у болотца трех старых, пупырчатых, слизью измазанных квакух, такие сами вот-вот вдохнут, отнесла Ильмиру. В руки сунула его чистенькие.

– Еще раз ослушаешься – выгоню, – сказала сурово и оскалилась. – Чисти. И аккуратно, шкурку не повреди, нужна она мне.

– Зачем? – выдавил он из себя, держа жаб на вытянутых руках и стараясь не кривиться.

– Высушу, растолку, с кровью человечьей смешаю, да буду поля посыпать, чтобы урожая не было, – хмуро пояснила я. Полюбовалась на ненависть в синеве глаз и пошла в свой закуток. Котелок ему самый дрянной выделила, а то от жабьего духа потом не отмоешь. Хотя что это я…

– После обеда пойдешь на речку, песочком посудину мою почистишь, – велела.

Он жабу на пол швырнул – разозлился, видать.

– Что ты мне бабскую работу поручаешь? Могу дрова колоть, забор тебе поставлю, крышу подлатаю. А котлы чистить не буду.

– Будешь, милый, еще как будешь, – нежно пропела я, сверкнула желтыми глазищами. – Или уже уйти готов? Так я не держу, иди. Другую ведьму найдешь, сговорчивее. А у меня нет работы мужской и женской, вся – ведьминская.

Он зубами скрипнул так, что Тенька ухо лапой поскребла, удивилась.

– Не знаю, где другую искать, – буркнул Ильмир. – Мало вас осталось, темных отродьев.

Я запечалилась: что верно, то верно. Почти всех извели служители.

– Так все вашими стараниями, прихвостни светлого бога, – усмехнулась я. – Больно любите вы ведьм на костры тащить. А порой и девок невинных жжете почем зря, на потеху достопочтимой публике. А как понадобилась ведьма – за семь земель притопал, сапоги не жалея.

– И правильно делаем, что жжем, – вскинул он светлую голову. – Детям тьмы не место в нашем мире, пусть к Шайтасу и убираются. Мы землю от скверны очищаем, добро несем. Ведьмы – зло великое, богомерзкие создания!

Ух, как разошелся. Я хмыкнула, поклон ему земной отвесила.

– Вот спасибо, служитель, просветил темную, не знала не ведала, – и снова поклон. – Как же я жила раньше? Хоть ты, благодетель, пришел, научил! Вот спасибо тебе! Пойду в топь, уничтожу ведьму, себя, то есть! Чтобы землю не пачкать!

Я развернулась, взметнув свой балахон, пошаркала к двери. Он посмотрел изумленно, а потом кинулся следом.

– Издеваешься?

По моему лицу от хохота снова потекли кровавые слезы. Тенька подошла ближе, распахнула свою жуткую пасть, все клыки явив – улыбается, значит. Мыши вылезли из норы, сели рядком, носы-бусинки подрагивают, усы дрожат. Тоже хохочут. Саяна примерилась, упала с насеста, схватила одну мышь и на крышу поволокла. А что делать, ворона же…

Я же, отсмеявшись и слезы утерев, указала служителю на жаб. Квакуши лежали там, где упали – я же говорю, старые совсем.

– Иди уже, служка, обед готовь. Сильно не перчи, запах жабий не перебивай. Давай-давай, пошевеливайся.

И отправила его во двор, на костерок. Ничего мне в доме вонять жабьим духом. Вытащила из подпола кусок валяной лосятины, поела с хлебушком, в окошко на мученика поглядывая. А уж страдал он знатно. Квакуши, почуяв скорую расправу, молодость вспомнили, порскнули в разные стороны. Так он ловил сначала, потом примерялся, чтобы освежевать и шкуру не попортить. Я, на его лицо перекошенное глядя, чуть не подавилась от смеха. Но потом смотрю – зубы сжал и жаб разделал, да четко так, аккуратно, как и я не смогла бы. Мясцо соскоблил, в котелок накрошил, водички добавил. И стоит над костром, помешивает. Я даже расстроилась, что забава закончилась.

Принес, на стол бухнул.

– Готов обед, – сказал Ильмир.

– Готов, так ешь, – усмехнулась я.

– А ты?

– А я после тебя, – оскалилась. – Вдруг отраву ведьме решил насыпать? Вот отведаешь, посмотрю, живой ли, потом и я угощусь.

Служитель лавку подвинул, похлебку себе в тарелку налил, ложку окунул. Я села напротив и смотрю во все глаза: неужто есть будет? Так да. Ест. И спокойно, не кривится даже. Мяса кусочки вылавливает, жует, хлебушком заедает.

– Вкусно? – спросила я.

– Соли не хватает, – ответил равнодушно и дальше ест. Даже Тенька ближе подошла и облизнулась, глядя, как этот прихвостень жабий суп уплетает. Доел, посмотрел на меня вопросительно.

– Посуду собери, да на речку топай, – прохрипела я.

Он кивнул молча, все в мешок сложил и ушел. А я к котелку подошла, понюхала, попробовала осторожно… А что, суп как суп. Тиной воняет только. И несоленый. А так есть можно. Вышла во двор и вылила все в миску для хлессы, пусть тоже отведает угощения.

А потом в лес ушла.

***

Сегодня в моих владениях спокойно было, стихия не серчала, звери смирные. Даже не стала перекидываться, все ножками обошла. Так, глянула разок сверху глазами соколиными. Дух лесной в землю ушел – боялся, что я снова ругать буду. Он у меня такой, боязливый да пуганый, так и сидел бы под землей, как крот, чтобы на глаза мне не попадаться.

Дошла до березки, полюбовалась на гнездо голубицы в ветвях. Березка почти вся золотая стала, нарядная, как невеста. И веточек сухих за ночь ни одной не прибавилось. Я обняла ее, прижалась щекой к белой коре, глаза закрыла. И хорошо так стало, спокойно. Это березонька меня утешила, погладила по патлам моим взъерошенным, успокоила. Так бы и сидела до вечера, но на опушке рожок прозвенел, и я вскочила. Охотники. Да не наши, деревенские, а барские… Те, что зверя бьют для забавы, для развлечения. Ох, не в тот лес они сунулись! А скорее зверье их сюда привело, зная, что здесь защита ведьминская.

Перекидываться не стала ни волком, ни беркутом, а положила ладони на землю, завыла, вызывая старика из подземной норы. Дух лесной откликнулся живо: он людей не любит, а таких пакостников и подавно. Подхватил меня – еле встать успела, а то так бы и понес согнутую и скрюченную. Протащил по лесу, бросил на примятую траву, как мешок с отходами. Но я не обиделась, он же дух, а не суженый, да и не до нежностей сейчас. Вскочила, осматриваясь. Рожок уже близко и лошадиное ржание, и лай собачий.

– Э-ге-гей! – кричали охотники. В нос мой длинный ударила волна смрадного духа хмеля и похоти, так от них пахло. Я скривилась и бросилась в чащу. А вот и добыча: лосиха – молодая, испуганная. Глаза черные, шальные, пар из ноздрей валит. Перебирает тонкими ногами, мечется. Позади загонщики с арбалетами, впереди овражек, свалится – копыт не соберет.

Я оглянулась: близко охотники, близко.

Упала наземь, укрылась тенью и в лосиху вошла. Придержала животное, чтобы с перепугу и правда в овраг не сиганула, успокоила. И пошла в сторону. Мелькнула перед загонщиками боком лосиным, подождала, пока увидят.

– Вон он! Вон зверь!! Э-ге-гей! Загоняй, Таир! Гони лося на опушку, чтобы легче тащить было!

Я мгновение смотрела на них звериными глазами. Но лишь мгновение – побоялась, что ведьмин взгляд увидят. Он же сквозь любого зверя пробивается, во всех глазах светится желтизной и метками Шайтаса. Но от этих людей так несло хмелем, что и самого Шайтаса не приметили бы!

Их было четверо, на холеных рысаках, с собачьей сворой, арбалетами и клинками, украшенными камнями. Знать.

Собаки и лошади ведьму-то почуяли, отпрянули. Псы заскулили жалобно, жеребцы уши прижали и попятились, но люди такие приметы не заметили, лишь хлыстом животин отходили. Ну, значит, так тому и быть.

Сорвалась с места, как выпущенная стрела, понеслась, ног лосиных не чуя. По низине, вдоль овражка, через бурелом. В чащу самую. Охотники беды не предвидят, даром что рысаки уже на весь лес ржут. И собаки воют. А этим хоть кол на голове теши – несутся, глаза горят безумные, хлыстами свистят, покрикивают. Один, кажется, заподозрил что-то, приотстал, оглядывается. Молодой совсем, мальчишка, от того и живо ещё внутри человеческое, не успели разврат и жестокость душу искалечить. А живая душа, она глазастая, чувствительная, трепетная.

– Стойте! – закричал он своим подельникам. – Мы уже в самой чаще! Болотом пахнет… И ведьма там, говорят, живет!

– Так мы и ведьму сейчас на болт насадим, – хохочет тот, что впереди всех несется. – Пусть выходит ведьма! Не бойся, Таир, погоняй!

Мальчишка замялся, смотрит испуганно. А есть, чего бояться: в самую чащу их завела, к болотам, здесь даже птицы не поют, и темно, словно в сумрак вечерний. А сама перемахнула через кусты и была такова.

Лосиху отпустила, наказав на открытую местность не выходить, молодая она еще и глупая. Вернулась в свое тело, полежала, на солнышко прищурившись. И пошла тихонько в чащу, слушая, как ругаются охотники, пытаясь дорогу назад найти. Так сквернословили, что у меня уши завяли, словно лютики по осени. Да только хоть ором, хоть проклятиями, а сидеть на топи они долго будут. Потому что нет дороги назад. Я ее как ленту смотала, вокруг пояса обернула, узлом завязала. Пока не распущу – не выберутся.

Лошадок и псов ночью выведу, нечего им от дури людской страдать. А то охотнички через пару дней проголодаются, начнут животин своих резать да жрать, сырыми притом – огонек на болотах не загорится. А сидеть им в клетке лесной долго, пока ума не наберутся. Потом, может, и освобожу.

Так что в сторожку я возвращалась довольная, улыбалась даже.

***

Только когда добрела, хорошее настроение как ветром сдуло. Служитель сидел на пороге, щурился на закатное солнышко. Хлесса моя в сторонке, косится на чужака, порыкивает, но тот даже ухом не ведет. Сидит, клинок свой начищает.

– Отмыл кухонную утварь? – прошипела я. Он головой кивнул молча, а я опешила. Отмыл, да как! Блестит, смотреться можно словно в зеркало. Я насупилась и в дом ушла. Села на лежанку, раздумывая. Второй день к закату клонится, а служитель и не думает отчаливать. Видимо, жабами его не проймешь, крепкий оказался. Ну ладно, у ведьмы в запасе средств много, сбежит еще Ильмир, всему свое время. Зато жилище мое в порядок приведет. Я захихикала, представив, что сказали бы его братья по обители, увидав, как служитель Атиса полы в ведьминском логове драит. Я захохотала, вообразив их вытянувшиеся лица – вот бы посмотреть!

Служитель вошел, покосился на меня, отошел подальше. Понимаю: сидит страшилище такое, хохочет само с собой, потешается… Не объяснишь же, что я уже столько лет одна, так что же теперь, лишь слезы лить? Так уже все вылила,

целое озеро вон, за леском. Деревенские девки не зря туда купаться бегают, чуют, что водица непростая…

– Чего вылупился? – грубо сказала я.

Он постоял, осматриваясь, но сесть было некуда. Сложил аккуратно свою сутану, сел на нее, к стене привалился.

– Что, ведьм раньше не видел? – оскалилась я.

– Видел, – спокойно ответил он.

– Ну, конечно, видел. На костре, верно, – усмехнулась я. – И как, служитель, нравится тебе, когда ведьмы горят? Когда запах плоти жженной ноздри щекочет? И кричат они криком нечеловечьим? Нравится?

Он не отвечал, только в глубине глаз мелькнуло что-то. Затаенное, больное.

– Нет, не нравится, – произнес без надрыва, равнодушно даже. – Но иногда приходится делать то, что не нравится. Чтобы другим от этого стало лучше.

– И чем же вам ведьмы мешают, служитель? – тихо спросила я. Даже насмешничать перехотелось.

– Они скверна. Нечистота. Отродье тьмы. Ведьмой становится та, что проклята. Что душу свою замарала, грех совершила страшный, – повторил он убежденно, а я вздохнула. Да уж, видала я таких… Да, впрочем, мне дела нет до его убеждений, нечистота – и ладно. Да и есть в словах его правда, что уж там… Только странная правда эта, извращенная… А и пусть.

Я принюхалась: надо же, а этот чистюля на озере помыться успел, пока я по лесу носилась, и даже рубаху свою выстирал, влажная еще. И волосы сырые, не просохли. Надо бы и мне освежиться.

– Воды мне принеси, – протянула я. – На костре нагрей. Купаться буду.

Он зыркнул из-под бровей синью, но поднялся без возражений и даже дверью не хлопнул. А никаких колодцев здесь, конечно же, нет, водичку от самого лесного озера таскать придется. Да через бурелом каждый раз, да по скользкой дорожке, по осенним листочкам. Мылась я обычно на ключах горячих, там, где лес мой на гору ползет, но пришлому о том знать не нужно. Нанялся, так пусть работает.

Лохань вытащила, посреди лачуги поставила, травок душистых достала, устелила дно. Ильмир уже первые два ведра принес и над костерком греть начал. Шустрый какой… Помню, я, когда здесь поселилась, про источники горные не знала, пыталась вот так в лохань воду таскать. Так после второго раза выдохлась и купаться перехотела. Поплавала в холодном озере и зареклась с ведрами ходить. А он столько воды наносил, что можно было четверых помыть.

Я повздыхала. Все-таки, к сути ведьминской неплохо бы еще и сил поболее…

Лохань паром исходила, душистые травы на всю комнатку пахли, так что Тенька расчихалась и сбежала во двор. Даже Саяна улетела, хотя к вечеру всегда в доме сидит – мерзнет, старая. Я скинула свои разбитые ботинки, шаль сложила, балахон стянула. Тронула воду ногой, зажмурилась от удовольствия. И обернулась через плечо.

Служитель у дверей стоял, в тени, лица не видно. Только чую, ощупывает тело мое взглядом. Я хмыкнула.

– Что, нравлюсь?

Он от стены отвалился и за дверь выскочил, словно Шайтас за ним гнался. Вот и хорошо: поостережется в другой раз на ведьму смотреть…

Залезла в теплую воду и глаза блаженно закрыла. Так и лежала, пока звезды на небе не засияли, а меня в сон не потянуло. Вылезла, оделась, выглянула во двор. Ильмир у коряги стоял, на которую я горшки сушиться вешаю. Услышал скрип двери, вскинул голову.

– Убери, – приказала я.

Сама ушла в закуток, села на лавку, слушая, как он воду выносит. Дурак, водицу в землю льет, а сам молитвы шепчет, чтобы Светлый бог скверну ведьминскую принял и связал. Дух лесной, наверное, от такого непотребства в своей норе перевернулся.

Когда все убрал и напротив уселся, я хлебушек жевала. Служка посидел, рассматривая меня, подумал.

– Почему ты такая?

– Какая? – не глядя на него рыкнула я. – Страшная? А ты думал, я в водичке помокну, красоткой стану? – и рассмеялась.

Служитель даже не улыбнулся, сидел, как статуя, только глазами блестел.

– У тебя на спине шрамы. От плети, – вдруг бросил он.

– И что? – усмехнулась я. – А еще там струпья и бородавки. И хвост. Или их ты не заметил? На дивный стан мой любовался?

Он промолчал, смотрел только, и я опять разозлилась. И чего прицепился? Сдались ему мои шрамы!

– Раз уж мы об сокровенном заговорили, может, и ты себя покажешь, – протянула я, облизываясь. – А то ходишь в своей рубашке, а мне воротничок глаза слепит. Да и соскучилась я по мужскому телу…

Единственное, по чему я соскучилась – это по лежанке своей. Притомилась и после купания разнежилась, глаза уже слипаются. Но вот любопытство ненужное лучше сразу отбить, чтобы больше охоты не возникало.

– Так что, покажешь, каков ты, а, служитель? Или стесняешься, как девица? Да ты не смущайся, я лишь посмотрю. Ну, может, пощупаю чуток, от тебя же не убудет? – издевалась я. А сама зевоту еле сдерживала. Вот же напасть на мою голову. Тенька и та уже спит под лавкой, даже похрапывает во сне.

Служитель сидел, глаза опустив и кулаки сжимая. На щеках два белых пятна от злости и ненависти проступили. А потом встал и рывком свою рубаху стащил, кинул на лавку. Развязал тесемку на штанах, потянул. Голову поднял, а на лице такое омерзение, что можно ведрами черпать.

Я встала и ушла к лежанке, даже не сказала ничего. Легла, свернулась клубочком, зарубки на бревне считая.

Ильмир постоял возле лавки – видимо, не знал, что дальше делать, то ли за мной идти, то ли спать ложиться. А я почувствовала, как внутри горько стало. Красивый он был, служитель. Плечи широкие, кожа золотистая, под ней мышцы сильные, литые. Так и хочется ладонью тронуть. Живот плоский, безволосый, а я-то думала, у всех мужчин на теле шерсть черная, звериная… Уткнулась носом в лоскутное одеяло, полежала так. А на душе только гаже делается.

Встала рывком и к двери пошла. Ильмир у стены сидел, рубаху свою натянул, на все завязки завязал, в сутану укутался. Проводил меня взглядом, но ничего не сказал.

***

Вою я редко, от силы раз в четыре луны. Раньше чаще случалось, а поначалу и вовсе что ни ночь – я на поляну… А потом свыклась, дел много. Набегаешься днем по лесу, то человеком, то зверем, уже и выть сил нет.

А сегодня вот накатило…

Вышла на полянку, упала на четвереньки, лицо к небу подняла. Месяц среди тучек покачивался, безмятежный такой, далекий.

И завыла. От моего воя звери охотиться перестали, по норам попрятались, птицы от испуга с неба попадали, тучи месяц спрятали, принца своего ночного. Даже звезды потускнели. Дух лесной в нору забился так глубоко, что и кротам не найти. Озера гладью зеркальной встали, а лес замолк, затаился, боясь ведьмин вой хоть шорохом потревожить.

Волки ушли подальше, потому как не могут вою моему противиться, подпевать начинают, а я этого не люблю. То ли выть, то ли песни петь. Вот и уходят серые подальше, боясь меня рассердить.

Выла не знаю сколько. Устала, да и охрипла. Поднялась и обратно пошла. А там… От увиденной картины я сначала опешила, а потом хохотать начала. Возле порожка моего стоял на коленях служитель. Свечи зажег, круг вокруг себя чесночный насыпал! И где взял только? Неужели с собой принес и припрятал? Знала бы, давно бы в суп использовала. Святой водицей все окропил, солнце священное поверх сутаны выпустил и молитвы свои бормочет, к Атису взывает. Я его по кругу обошла, ухахатываясь. Смешно так стало. С утра мне горшки драил, а теперь молитвенником трясет. Сам бледный, но губы сжаты решительно.

– Сгинь, чудище! – бормочет.

Я бочком вокруг чесночной дорожки пошла, делая вид, что пройти не могу. А сама хихикаю. Мне что чеснок, что петрушка, что лепестки роз сушеные. Скука одна. Да и похолодало к ночи, а я без кожуха, так и захворать недолго. Так что, скривившись и устав куражиться, я сквозь чесночок ступила… Да отлетела на несколько шагов. Еще и об корягу стукнулась, да все горшки сверху попадали. Села, подол поправила, головой потрясла.

– Не пускает тебя, ведьма, слово светлого Атиса! – обрадовался служитель. – И чеснок заговоренный!

Я посидела, макушку почесала. Саяна с ветки смотрела – не захотела что-то на голову мою опускаться. Решила обождать. Тенька же, когда я вою, и вовсе под лавку прячется и сидит там до зари.

Снова двинулась к чесночной дорожке, присела, принюхалась. Знаю, что кончик носа у меня двигается, как пиявка, когда я запахи втягиваю. Он такой длинный, что даже я это вижу. Зато чувствительный. Запах обычный: чеснок толченый, розмарина чуток, чертополох от силы ведьминской и пыль амбарная… вот и все. Протянула руку осторожно, тронула пальцем. И снова ударило так, что чуть ноготь не слетел. А он хоть изгрызенный и грязный, но мне еще пригодится.

Встала, подол поправила.

– Так тебе, ведьма! Теперь ты у меня в служках побегаешь! – крикнул Ильмир. – Повяжу, и будешь все мои желания исполнять! На заре отведешь в Омут, поняла меня? Не одолеть тебе силу божию!

Я поскребла невидимую стену перед собой, раздумывая. Дела… Обошла по кругу, принюхиваясь, потом на четвереньки встала и по-звериному к земле пригнулась. Служитель на мои действия смотрел с ужасом, но молитвы уже в голос бормотал и руку на клинок положил, на всякий случай.

А я поднялась, ботинки скинула, чтобы силу матушки-земли ощутить, руки к небу подняла, чтобы и от звезд мощи напиться. Закружилась вокруг себя, заворачиваясь в силу, словно в одеяло пуховое, вокруг тела много-много раз, свивая кокон, как гусеница. Завыла, заухала, закричала выпью. И ударила в стену ладонями, так что не просто открыла, а разнесла, как и не было. Ильмир вскочил, клинок свой сжал, приготовился. Волосы белые разметались – шнурок, видимо, потерял, и легли волной на плечи, серебрятся в свете месяца. Красиво. Я даже полюбовалась недолго.

– Ну что, служитель, не спасло тебя слово Светлого Атиса? – ехидно спросила я. А сама пальцы на ногах поджимаю: все ж середина осени, земля стылая.

Он клинок поднял, ноги расставил, похоже, и правда, убивать ведьму собрался.

– Где слово не помогает, там сталь пригодится, – сквозь зубы прорычал он.

Я посмотрела искоса. И вот что мне с ним теперь делать? Одолею, конечно, только жаль силу тратить и духов будить, тяжело это. Да и смысла нет. А наказать надо.

Ногами затопала так, чтобы услышали за пустырем, в песчанике, где нарыли норы черные пауки. На зиму они уползают в глубину, в кокон из паутины, ждут тепла. А сейчас, по осени, тащат все, что под лапы мохнатые попадется. Даже пичужек из гнезд могут вытащить. Саяна – и та их побаивается: они хоть и меньше вороны в десять раз, но злые и кусаются больно. Вот их-то я и позвала. Только и служитель времени зря не терял, набросился, еле отскочить успела. Клинок в балахоне моем дыру прорезал. Я в сторону, он за мной, за космы схватил, дернул, прижал к себе, не давая вырваться. Хорошо хоть Тенька моя вылезла из-под лавки, да грызанула паршивца за бок. Несильно так, на зубок,

все ж помнит наказ мой не трогать. Но и обращения такого с хозяйкой стерпеть не смогла. Я подумала, что с утра раздобуду хлессе свежатинки за это! А когда служитель, взвыв, отпустил меня, схватила я горшок, да на голову ему надела. Понятно, раскололся, глиняный все же.

Тут и пауки подоспели. Полезли отовсюду, обтекая меня, как черная вода, из маленьких струек в большой ручей слились. И все на служителя полезли: лапами мохнатыми за сутану цепляются, под штаны и рубаху забираются, челюсти на коже человечьей смыкают.

Ильмир взвыл не хуже меня на полянке. Заплясал, запрыгал, пытаясь черных тварей сбросить, да куда там… Клинок свой не отпускает, держит, а второй рукой пауков скидывает. Да только это лишь первая волна была, а следом вторая накатила, в два раза больше. Так служитель как заорал мне:

– Придушу!!!

И тут же в его рот мохнатая тушка упала, за язык схватила. Клинок он все же бросил и помчался в сторону озера, а на сутане развевающейся копошатся паучки, и на теле, и на волосах, так что белизны уже не видно.

Я Теньку потрепала и присела возле меча служителя. Трогать, конечно, не стала. Души на нем, могут за меня зацепиться, следом пойти, а мне потом провожай и успокаивай… Да и сталь в клинке непростая, заговоренная.

Поскребла патлы свои, раздумывая.

Кто ж ты такой, служитель божий?

***

Ильмир вернулся под утро и, увидев его, я хохотать начала, не сдержалась.

– Ну, и кто из нас теперь чудище лесное? – выдавила с хрипом.

Выглядел служитель знатно: лицо от укусов паучьих распухло, щеки – багровые пятна, синевы глаз не видно, потому что веки с трудом открываются, одни

щелочки остались. Шея пропала, казалось, на плечах шар красный покоится, а не голова. Даже воротничок свой белый расстегнул, не сходится, видать. И мокрый весь, сутану – хоть отжимай. Похоже, так и сидел в озере, пытаясь от зуда избавиться.

– Ну, что, – сказала я ласково, – наутешался ведьминской жизнью, служка? Топай в свою обитель, там тепло и кормят сытно. Надоел ты мне.

– Уговор у нас, – прошамкал так, что я еле разобрала. Язык во рту, словно черный слизень. – Не уйду, пока в Омут не проводишь.

– Да что тебе в том Омуте делать? – не сдержалась я. – Ты хоть знаешь, что это такое? Глупцы лишь думают, что в Омут войдут и Шайтас все желания их исполнит! Ты глупец, Ильмир?

– Нет. Не знаю…

– Возвращайся назад, служитель! – рассердилась я.

Он помолчал, рассматривая свои распухшие ладони.

– Нет мне дороги назад. Не к чему возвращаться, – пробубнил служитель и пошел за дверь. Сутану повесил на корягу, осколки горшка собрал, сложил в сторонке. Клинок свой подобрал, пробежал пальцами любовно, словно девушку погладил. И пошел навес достраивать.

Я вздохнула и отвернулась. Нахмурилась. Плохо дело. Такие страшнее всего: с верой в правоту свою и душой почти мертвой. А то, что у гостя моего от света души лишь бледный огонек остался, вижу, не глядя. Из таких и получаются черные ведьмаки, сильные и злобные, одолеть которых никто не в силах.

Я скрипнула зубами и пошла к очагу. Нельзя служителя в Омут пускать. Злобы много, чернь клубится, таких Шайтас любит и привечает. А сила Ильмира тем более демону понравится. Потому что сила у служки есть, хоть он того еще и не ведает, думает, слово божие его ведет…

***

К вечеру у служителя горячка началась, а тело так распухло, что глаза совсем открываться перестали. Когда я из леса пришла, вскочил, клинок выхватил, и тычет им, как слепой кутенок. Не видит ничего. А потом понял, что я это, сел на стылую землю у порога, к стене привалился.

Я плюнула на него и в дом ушла, ужинать. Сам виноват, нечего было хватать меня. Саяна каркнула с насеста, словно заспорила.

– Сварю, – пригрозила я ей. Ворона еще головой покачала и ушла по потолочной балке в угол – думает, там я ее не достану. А я зашипела, как хлесса рассерженная, плюнула снова, но теперь в кружку. Добавила туда воды, календулы и тысячелистника накрошила, полыни горькой, боль забирающей. И пошла за порог. Сунула кружку в распухшие руки служителя.

– Пей!

– Что это? – прошамкал он.

– Отрава! – рявкнула я. – Надоел, угробить тебя хочу! А мясцо с боков твоих на зиму засолю, до весны пировать буду!

– Подавишься, – хмыкнул он. Но кружку к губам поднес и хоть с трудом, но выпил. Я ногой в сердцах топнула, дернула служку за светлые волосы, выдрала клок. И в дом ушла.

Там собрала со свечи наплав, размяла воск в пальцах, намотала прядку. Хорошо, длинные они, словно как раз для ведьминских обрядов растил! Зашептала, боль заговаривая, упрашивая из тела мужского уйти. А на откуп сырого мяса кусок приготовила – все ж лучше, чем свою силу тратить. Боль вползла кошкой – худой, драной и голодной. Руки мне лизала, ластилась, так уходить не хотела. Все лазейку искала, чтобы остаться, ко мне прикипеть, да я подманила, за шкирку схватила и за порог. Мясо в лесу закопала, а наплыв с белыми волосинками в свечу слепила, пусть горит, боль сжигает.

Глянула на служителя: где оставила, там и сидит, трясется в ознобе. А когда я уже засыпала на своей лежанке, пришел. На пороге чуть не упал, споткнувшись, но устоял. Свернулся в углу своем, на сутане, и затих.

Утром меня снова разбудил стук топора, и я зашипела сквозь зубы, накрыла голову покрывалом. И зачем только помогла служителю, боль вытащила? Валялся бы себе за порогом кулем, трясся в ознобе да хоть спать не мешал.

Впрочем, ворчала я не злобно: сама знала, что солнце взошло, пора и мне подниматься. На балахоне моем дыра была, клинком служки оставленная, так и не заштопала. Хотя, на моих лохмотьях одна лишняя дыра и роли-то не играет, да и не приметна почти. Но все же я задумалась. Давно пора к людям выйти, одежды прикупить, а то совсем поизносилась, а впереди ведь зима… Кожух я себе из шкур сшила добротный, теплый, но вот платье шить не из чего, ткань нужна. А еще ленты, нитки, пуговицы, тесемки…

Только последний раз я к людям восемь зим назад выходила. Насилу ноги унесла… Хорошо хоть Северко налетел, укрыл глупую ведьму, а то добрые люди накололи бы на вилы и топорами отходили так, чтобы и собакам костей не досталось. Но то давно было. Сейчас ко мне на версту подойти боятся да поклоны бьют…

Я напилась воды из кружки, пожевала хлеб. И мукой бы запастись.

– Слушай, служитель, дело к тебе есть, – окликнула я с порога.

Он выпрямился, прикрыл глаза рукой. Лицо все еще распухшее, но хоть веки открылись, даже синева проглядывает.

– В деревню сходишь, продуктов принесешь. И вещи купишь… Я расскажу какие.

– А что, магия твоя черная закончилась? Попроси у Шайтаса, пусть подкинет то, что тебе нужно. Или наколдуй! – буркнул он.

– Несподручно мне что-то силу на ткань переводить! – Вот дурак, неужели думает, что ведьмы все из воздуха берут? – Сказала, значит пойдешь!

– Дорогу обратно найду, даже не надейся, – бросил он.

Я плечами только пожала. А потом с ехидной ухмылкой вытащила молитвенник, который Ильмир обронил, когда меня повязать пытался, выдрала пару листов и

между строк гусиным пером и соком ягодным список нацарапала. Того, что из лавки принести требуется. И ему всучила. Он как увидел, что я своей ведьминской рукой на святое покусилась, осквернила слово божие, побелел, задыхаться начал, так что я уж подумала, будто удар с ним случился. Но ничего, отошел. Расправил листочек, в сутану убрал. На меня даже не смотрит.

– Рассказать обо мне никому не сможешь, – предупредила я и потянула из его горла серебряную нить. Тонкую, как паутина, тугую, как струна. Вытащила, вокруг своего пальца грязного накрутила, полюбовалась. Прямо колечко.

А служителю мешочек с монетами протянула – поболее того, что он мне сулил, когда купить пытался.

– Ведьмино золото, – хрипло выдавил Ильмир.

– Не нравится, на свое покупай! – отрезала я, мешочек швырнула на землю и в дом потопала. Служитель у коряги постоял, развернулся, взметнув белые волосы, и ушел.

А я мешочек с монетами подобрала и обратно в подпол кинула. К другим таким же. Знал бы служитель, сколько у меня таких мешочков… Хотя в одном прав: ведьмино оно.

***

Охотники на земле сидели. Грязные, тиной и потом пропахшие, слепнями и муравьями искусанные. Но этих-то я лечить точно не собиралась. Постояла, полюбовалась, за тенью спрятавшись. Потом нахмурилась. Мальчишка, Таир, на земле лежал, как котенок свернулся, коленки подтянул, дрожит. Непорядок. Так и до хворобы болотной недалеко.

Встала на колени, положила ладони на землю, призывая косолапого. Медведя издалека услышала – лез через бурелом, за колючки цепляясь, не таился. Хоть и ворчал недовольно, что потревожила. Бурый к зиме готовился, берлогу мхом и хвоей выстилал, а тут ведьма с указом. Но ослушаться не посмел, конечно. Только мне без надобности, чтобы охотнички арбалеты свои похватали, еще спустят болты по-дурости… Так что пришлось еще и болотницу звать. А эта нежить вредная, злющая да пакостливая. Утопленницы все такие. Эта ничего

просто так не делает, даже тумана клок пожалеет. Отдала ей сны свои на луну вперед, пусть тешится, рассматривает…

Болотница топь приоткрыла, выпуская смрад. Запузырилась трясина, выплевывая жижу вонючую, и наполз белесый пар оттуда. Тяжелый, ядовитый. Чуть больше вдохнешь – не очнешься. Так что я медлить не стала. Как охотники попадали на землю, так я косолапого за лапу и в низину. Голова от смрада закружилась, мишка заревел, но я держала крепко. Самой-то мне мальчишку не поднять… Он хоть и младше меня зим на десять, а выше на голову да на пуд тяжелее. Косолапый Таира схватил, и мы обратно бросилась.

– Закрывай! – кричу болотнице. А она пакостничает, нежить водная, не торопится. Эх, я разозлилась! Косолапого вперед протолкнула, а сама вернулась. Хоть в глазах уже слезы кровавые и в ушах звон стоит, а иду. Хлопнула ладонью по земле, так что содрогнулось болотце и дырка под ним образовалась. Не закрою – иссохнет за зиму, в нутро земляное уйдет. Утопленница заволновалась, запричитала, прямо как живая. И смрад мигом пропал, и кувшинки по берегам зажелтели, даже квакуши выползли, петь пытаются. А я хмурюсь стою, хоть и не серчаю уже. Устала только. На глупую нежить с ее шалостями силу разбудила. Но дыру решила пока оставить, чтобы знала болотница, как ведьму злить!

Косолапый уже к мальчишкиному боку принюхивался, порыкивал. Хорошо, не голодный, а то мог и отхватить кусок, пока я там силушкой разбрасывалась. По ушам ему дала, чтобы пасть закрыл, и велела к опушке паренька нести. Сама рядом пошла. Так до пролеска и добрались: косолапый ковыляет, на спине его Таир лежит, а рядом я подолом мету…

Медведя отпустила, путы ведьминские сняла, да благодарность выказала. Он и умчался, а я возле паренька присела, лоб потрогала. Ничего, жить будет, захворал чуток. Прислушалась, принюхалась, учуяла мужика на поле. Сидит, к стогу привалился, травинку жует. Да вот мелькнул на тропке платок белый, знакомый… Пастух вскочил, бросился следом, а я тропку подтолкнула, завертела, к лесу направила. И заволновался деревенский, забеспокоился, но платок мелькает меж деревьев, зовет…

Отошла в сторонку, чтобы пастух меня не увидел, распустила клок тумана, которым как платком размахивала… Тут и Таир застонал.

– Парень! Да откуда ж ты тут? Раненый что ли? – запричитал пастух, ощупывая паренька и озираясь. – Ох, а мне с дрему супружница привиделась… А то так и лежал бы ты тут, до зимы, пока в землю не вмерз! Ну, давай, милок, вставай, чай не девица!

Со стонами Таир все ж поднялся и, опираясь на пастуха, заковылял прочь.

– Как же ты тут оказался?

– Меня медведь принес на спине. А рядом девушка шла… Глаза голубые, волосы рыжие до пояса, словно шуба у лисички… И улыбка ласковая такая… Где она? Мне найти ее надо… краше ее не видел…

– Ох, бедняга! – поцокал языком мужик. – Нескладицу несешь, привиделось тебе, парень… Все привиделось…

Я нахмурилась, а потом улыбнулась. Чистая у паренька душа. Хорошая.

Саяна упала сверху, устроилась на голове, потопталась, когтями вырывая мои пакли. Вот чертовка, сварю…

***

Служитель явился, когда месяц тропку светом выткал. Я уже было обрадовалась: не нашел дорогу служка, заплутал… уж как старалась! Ан, нет. Шел уверенно и спокойно, как к себе домой! Да еще и лошадку на поводу вел, мешками груженую. Я только зубами скрипнула, а так надеялась, что на горбу поклажу потащит!

Кобылу под навесом у поленницы устроил, мешки в лачугу затащил и разбирать начал. А сам хмурится, словно думу тяжелую думает. Даже от Теньки отмахнулся, как от кошки домашней, так что хлесса в угол села и оттуда лишь смотрела недоуменно да головой качала. Саяна по притолоке взад-вперед носилась, поглядывала желтым глазом, пытаясь покупки рассмотреть. Даже дух лесной в окошко заглянул, так я ему кулак показала. Но то понятно: редко в чаще обновки человеческие. Я у стены стояла, смотрела равнодушно. А служитель все сложил на лавку, муку в закуток отволок и, ни слова не говоря, за

порог ушел.

Я ткань тронула, пальцами по лентам пробежала. Темное все, как и просила, коричневое и болотно-зеленое, ни одного светлого пятнышка. По лесу в белом платье ходить – зверье веселить. А так добротно, и пачкается меньше. Но и темное полотно – красивое. Грубое, а мягкое – знать, Аришка ткала, есть в деревне мастерица. Я за ней наблюдаю порой: хорошая девка, с косой до пояса, веселая. Песни поет так, что пичуги замолкают, слушают. И ткань у нее добрая выходит, душевная, не колет нигде, а любая обновка ладно сидит и долго носится. Хороший выбор служитель сделал, и здесь почуял, значит…

К тканям лент принес, нитки всякие. Одна катушка особенно ценная – тонкая, ниточек мало совсем, потому как красные они, словно кровь. Такими духов хорошо привязывать или смерть заговаривать. Но не о том сейчас.

Я прислушалась: Ильмир на пороге сидел и клинок свой снова начищал. Есть не попросил – похоже, служителя в деревне накормили. Видать, совсем тошно ему на ведьму смотреть… Да и к лучшему: отвлекать меньше будет да любопытничать.

Вытащила я ткани полотно, расстелила на досках, так чтобы луч месяца попадал, светом напитывал. Луна была молодая, только в рост вошедшая – самое время, чтобы обнову шить. Так что я Саяну любопытную прогнала, свечу зажгла зеленую, с соком древесным, да бурую – с силой земли. Разрезала ткань и сшивать начала. Что ни стежок, то узелок-науз, что ни слово, то оберег ведьминский. Мне в этом платье долго ходить, землю мести, так пусть бережет пуще брони, за коряги не цепляется, от людей скрывает, в холода греет. Сшивала крепко, без всякой искусности, о красоте не задумывалась. Только по вороту красной нитью узор пустила, силой и кровью скрепила заговор, чтобы уж наверняка, и узлами завязала.

Ильмир не появлялся, хотя слышала – не спит, бродит вокруг сторожки, вздыхает. Я же все прибрала, лоскутки и ниточки собрала и в сундук заперла. Когда закончила, Тенька спала уже под лавкой, да и Саяна задремала. Обнову я расправила и за дверь вынесла, чтобы ночной прохладой закалилась и зарей согрелась, вот тогда и надевать можно будет.

Служитель за спиной остановился.

– Скажи, ведьма, – сквозь зубы от того, что с вопросом ко мне обратился, выдавил он. – Не знаешь, где в этих краях девушка живет… С волосами, словно шкурка красной лисицы, и глазами голубыми…

Я помолчала, радуясь, что против света лунного стою и не видно, как опешила. Ильмир нахмурился снова, глазами даже во тьме сверкнул.

– Не деревенская она. Может, за лесом живет? В Пустошах? Или в замке есть такая? Вдруг в лес заходила и ты видела?

– Зачем она тебе? – прокаркала я.

Служитель вздрогнул, шагнул ближе, в лицо мое всматриваясь. И с такой надеждой, что даже я попятилась.

– Нужна. Нужна, ведьма! Видел я ее…

– Видел? Почудилось, может? На солнышке перегрелся? – усмехнулась я.

– Видел! – твердо сказал он и добавил еле слышно. – Во сне… Но только сон непростой был, я знаю. А сегодня в деревне мальчишка о ней рассказывал, говорит, из леса его вывела эта девушка… А дядьки его где-то в чаще затерялись… Так ты знаешь, кто она?

Он шагнул еще ближе, голову склонил, смотрит. Я губами пошамкала, носом дернула и оскалилась. Так служитель сразу отшатнулся. Вот так-то лучше будет.

– Может, и видела, может, и нет, – протянула я.

– Скажи! – Он снова дернулся ко мне, кулаки сжал. В глазах пламя полыхает, и сила вокруг вихрем вертится. Я посмотрела задумчиво, силушку погладила, словно злющего пса, чтобы не ярилась, оттолкнула.

– Много хочешь, служитель, – прокаркала я. – Ты уж определись: то ли Омут тебе нужен, то ли девушка. Или ты из тех, кто все и сразу гребет, ничего отдавать не желая? Не бывает так.

Я расхохоталась и к порогу пошла. А служитель разъярился, схватил меня за плечи, развернул, наклонился так, что чуть не носом уткнулся.

– Скажи, кто она! – рычит зверем. – Скажи, ведьма! Что хочешь за ответ, отродье? Назначай плату! Мне уже все равно…

И плечи мне сжимает так, что чуть кости не трещат, больно. И не побоялся к ведьме прикоснуться, ручки запачкать…

– Ничего я тебе не скажу, прихвостень, – оскалилась я. – Соврала. И мальчишка тот соврал. Не знаю ничего о девушке, никогда в моих лесах такой близко не было. А может, и на всей земле!

Ильмир еще постоял, в лицо мне заглядывая, а потом скривился и отпустил.

– Она есть. И я ее найду, – сказал тихо и пошел в дом.

А я у коряги встала, закинула голову к небу. Дурак служитель. Ту девушку искать – что лунный свет ловить. Рядом, а никогда не поймаешь…

***

Кроме того, что я указала, Ильмир еще и для себя кое-что прикупил. Два одеяла, тюфяк, сеном набитый. И устроился в углу почти по-человечески, так что я от досады зубами скрипнула.

– И откуда у служителя Светлого Атиса столько наглости? – поинтересовалась я, глядя, как он лавку в сторону отодвигает, чтобы ногами не упираться.

– С ведьмой жить – по ведьмински выть, – буркнул он. Я понаблюдала, как он одеяло расправил, сапоги снял, рядышком поставил. Сутану свою на лавку сложил и устроился на тюфяке, вытянулся, вздохнул устало. Оно и понятно: целый день на ногах, да еще после горячки ночной, до сих пор в красных пятнах весь.

– Ну, раз по-ведьмински, – хмыкнула я, – так вставай, служка, хватит разлеживаться, бока мять. Обман-трава одну ночь цветет, успеть надо. А то без

нее мне несподручно людей в овраги заманивать и в болотах топить.

Он зыркнул злобно, зубы сжал, видимо, чтобы не сказать все, что думает. Я даже ближе подошла, чтобы ничего не упустить. Но нет, сдержался.

– Догонишь, – бросила я, прихватила клюку и вышла.

Ночь хорошая выдалась, ласковая. Месяц мне дорожку устелил, узор выткал столь искусный, какой ни одна мастерица не сможет. Я по узору тому как по ковру шла, улыбалась. Люблю такие осенние ночи: и не холодно еще, и кожух греет, и тихо так. Лес спокойный нашептывал что-то, но я не прислушивалась, о своем думала.

Ильмир меня догнал, пошел молча рядом. Пару раз ветви его хлестануть пытались – все же не привык лес, чтобы со спутником я шла. Передо мной раздвигались, а вот служителя не жалели. Правда, уворачивался, паршивец. Так до озера и дошли.

Я постояла, водяниц приветствуя, духов озерных. Да и просто полюбовалась. Вода гладкая, словно зеркало, в ней второй месяц дрожит. Настоящий и отраженный, близнецы-братья, вечно друг с другом в красоте соревнуются. На небе звезды хоровод водят, в воде – рыбешки золотые блестят. Сверху месяц тонкий еще, а братец его уже налился – торопливый он, вечно хочет вперед небесного успеть.

Насмотревшись, я на колени встала, подол подоткнула за пояс, чтобы не мешал. Обман-травка мелкая, устилает бережок белыми звездочками, с полмизинца всего. А корешок глубоко, на пару локтей в земле, да тонкий, хрупкий. А один надрез сделаешь – силу потеряет. Вот и приходится тянуть его ручками, да еще упрашивая и уговаривая, задабривая словом, убаюкивая песней. Мужским рукам я такую работу не доверю, конечно, но вот грубую колючку нарвать – с удовольствием. Я кивнула служителю на заросли.

– Собирай, чего уставился? И не вздумай клинок свой достать, служка! Травы сталь не любят…

И отвернулась, склонилась к земле, разрывая первую ямку. Земля стылая, но еще морозцем не схвачена, хотя пальцы вмиг скрючило от холода. Благо у меня

не ногти, а почти когти звериные – твердые и острые. Потому что завтра белые звездочки закроются. И хорошо, что Северко прогнала, а то помню, собирала как-то обман-травку под снегом, на ощупь, ногтями замерзшую землю колупала. Но и без травки этой никуда. Та же Аришка-мастерица уже в сырой земле лежала бы, если бы не настойка из корешков. Потому как белые звездочки саму Смертушку обмануть могут, отвести в сторону… Потому и обман.

Служитель за спиной шипел сквозь зубы, ругался, глупый. Не знает, что к живому надо с добрым словом идти, тогда и колючки не жалят. А так лишь шипы острее становятся, с каждым словом злым еще одна вырастает. Но просвещать его я не стала. Задумалась, песенку под нос свой длинный напевая. И вдруг закрылась звездочка, до корня которой я почти добралась. Я вскочила, глаза прищурила, думала, загрызу дурака.

– Сказала же, сталь убери! – рявкнула я. Вскинула свою клюку кривую, и клинок вылетел из рук Ильмира, звякнул в кустах. – Убери в ножны, недоумок! Кровь убитых на ней и души неушедшие! – ярилась я.

Служитель метнулся, клинок подобрал, спрятал. Зато кулаки сжал.

– Нежить… Изыди, нечисть… – и молитву забормотал, голову дурную солнцем осеняя.

Я-то думала, что это он обо мне снова, так нет. Привлеченные голосом мужским водяницы на камушки выползли. Волосы-тину по спинам распустили, глазами бездонными смотрят, улыбаются, поганки. А что, красивые они, хвосты рыбьи с сиянием месяца спорят.

– К нам иди, к нам, – шепчут служителю и руки белые тонкие тянут, – приголубим… обласкаем…

Ильмир, зачарованный, к озеру шагнул, а я вздохнула. Одна морока мне с этим служкой! А впрочем… Затянут водяницы его в озеро, да и нет проблемы. Сам виноват, нечего было к ведьме приходить. Не сдюжил – не моя печаль. Присела на землю, рассматривая напряженную мужскую спину. Хорошо так шел по берегу, уверенно, спокойно. А водяницы уже соловьями разливались, от хвостов рябь по воде кругами, волосы плещутся. Ильмир сапогами в озеро ступил и как хлопнет ладонью во воде! Плашмя, хлестко, еще и слово отводящее крикнул. И

снова сила темная вокруг него взвилась освобожденная, злая. Служитель следом молитвы зашептал, да слова Светлого Атиса – ничто против тьмы Шайтаса. А она уже рядом, скалится, зубами щелкает, темным зверем преисподней подползает.

Водяницы заверещали, в воду попрыгали, красоту свою растеряв. И звездочки белые одна за другой закрылись – силу тьмы травки поболее стали не любят. Я за голову схватилась, ругая себя на чем свет стоит! И к воде ринулась. Уколола палец об шип, кинула капли крови темной силе на откуп, лучом лунным завязала. Самого служку по голове клюкой огрела и в озеро скинула, чтобы остыл и по глупости не будил то, чего не ведает.

– Забирайте! – крикнула водяницам. – Не душите только, живым вернете через час.

Нежить его за руки-ноги схватила и в глубину поволокла, смеясь. Хоть и смотрели водяницы на берег испуганно, но видели, что тьма свернулась, уползла, кровью ведьминской насытившись. Значит, минула беда. А я на землю упала, лбом уткнулась, полежала, в себя приходя. Но разлеживаться некогда, хоть и силы словно в песок потекли за темнотой следом. Вскочила, завертелась вокруг себя, закричала. Нож выхватила из-за пояса свой, лесу привычный. И давай нити невидимые рубить, что меня к тьме тянули, одну за одной, снова и снова. Опять упала – хорошо, что водяница хвостом по воде ударила, меня окатила, так я в себя пришла.

Осмотрела берег с тоской: ни одной звездочки белой. Встала на колени, ладонями в землю уперлась и запела. О том, как хорошо под лунным светом, как чист воздух и мягка земля. Что скоро зима снежком бережок укроет, да белее снега звездочки обман-травы…

Первая приоткрылась робко, блеснула светлой точкой. А за ней вторая. И развернулись снова белой скатертью по всему берегу, до самой кромки воды. Я дух перевела и за работу принялась. Все же время к заре идет и ждать не любит.

Не заметила, когда Ильмир из озера вернулся – повернулась как-то, а он сидит у воды, мокрый весь. И на меня смотрит. Даже молитвы свои не бормочет, видать, отшибло после общения с водяницами. Я плюнула сквозь зубы и снова к

корешкам вернулась. И так из-за дурака время потеряла и силу. Хотя, сама виновата…

Закончив, с колен поднялась, шатаясь, побрела по тропке, бережно платок с корешками придерживая. На служителя больше не оглядывалась, чтобы не плеваться. Хотя слышала, что следом идет. В лачуге своей травку от света зари спрятала, разложила в темном углу, и спать легла. Пара часов еще до рассвета, так что отдохнуть успею.

***

Проснулась и поморщилась. Даже не оборачиваясь почуяла взгляд, сверлящий спину. Потянулась, села на лежанке. Так и есть: сидит служитель в своем углу, клинок на коленях держит и смотрит, не отрываясь. Веки после бессонной ночи красные, воспаленные, в синеве глаз что-то странное мелькает. Видать, сильно его водяницы впечатлили, что до сих пор отойти не может.

– Что это было? – сипло, простуженно спросил, понаблюдав, как я потягиваюсь.

– Испугался, служитель? – усмехнулась я. – Не такой уж ты и смелый, как я погляжу, раз от дев озерных все ночь трясешься. Ничего они тебе не сделали, так, пошалили чуток…

– Что это было? – оборвал он меня, словно и не слышал. – Когда я по озеру рукой ударил… Темнота такая поднялась, душу свела, потянула… Живая она была… Страшная.

Я помолчала. Вот, значит, как. Не водяницы служителя поразили – тьму увидал. Мало кто ее видит, значит, не ошиблась я насчет силы служителя.

– Это ты, ведьма, тварь из мрака вызвала? – чуть слышно проговорил Ильмир, а сам смотрит исподлобья.

– Что же ты, служка светлого бога, лукавишь? – оскалилась я. – Сам знаешь, кто тварь из мрака позвал. В душу свою загляни, там и ответ будет. Или и здесь ведьма виновата?

И усмехнулась, глядя, как он за голову схватился.

– Молитвы свои пошепчи, может, полегчает, – грубо бросила я и поднялась. – Некогда мне с тобой болтать, дел невпроворот.

– Подожди! – Он на ноги вскочил и сразу тесно в домике стало. – Подожди. Как… как я это… позвал? И как ты прогнала? Я видел… понял…

Он запнулся, замялся, стиснул зубы так, что скулы побелели.

– Объясни… Прошу.

– Просишь, значит, – задумчиво протянула я. – Часто ты просить ведьму стал, служитель. Но только зря. Не поймешь ты ничего, служитель бога Атиса. Слишком много внутри тебя глупостей. Вот когда своей головой начнешь думать, да не то, что тебе велели, а сам, тогда и спрашивай. Может, и отвечу, – и добавила ехидно: – Только я до того светлого мига, наверное, не доживу. Триста веков пройдет, а всё одно тебе не хватит, чтобы от дури избавиться!

И пошла в закуток, завтракать. Паршивец за мной увязался, встал, к стене плечом привалился и смотрит. Я хлеба достала, кашу, с вечера запаренную, из очага вытащила, на тарелку себе положила. Ильмиру предлагать не стала, захочет – сам возьмет, тут подавальщиц нет. И села на лавку, ложкой застучала. Служитель тоже сел, по привычке – напротив меня.

– Будешь пялиться – глаза выколю, – говорю ему.

Он усмехнулся, потер подбородок, щетиной уже заросший. Она у него чуть темнее волос была, не белесая, а с золотом. Себе тоже каши положил, и я фыркнула.

– Откуда ведьма грамоту знает? – неожиданно спросил служитель так, что я чуть не подавилась.

– Шайтас обучил. А то как же нам колдовские книги читать и ворожбу темную делать, а, служка? – хмыкнула я.

Он головой покачал, хлеба кусочек в рот отправил, жует и на меня смотрит. И спокойно так, в синих глазах даже отвращения почти нет. А вот любопытства – полно. Учу-учу, все не впрок наука.

– Давно ты здесь живешь?

– Давно тебе язык во рту лишним стал? Могу и вырвать, – отвечаю ему. Тенька рыкнула из-под лавки, так служитель даже не обернулся.

– А лет тебе сколько?

– Триста в обед исполнилось.

Он снова головой качнул и усмехается, словно я что-то смешное сказала.

– Лачуге этой лет тридцать. Дерево старое, подгнившее, хоть и было когда-то смолой обработано. Так лесники делают. И подполы такие – ледянки, чтобы тушки зверей хранить. Так что сдается мне, домик твой, ведьма, лесничий какой-то строил. Правда, уже давно здесь ничего не подправлялось толком, того и гляди крыша на голову рухнет. – Ильмир говорил неторопливо, а я есть перестала, только ковырялась ложкой, вид делала. – Вот я и думаю: раз ты сильная такая и могущественная, почему здесь живешь?

– Нравится! – оборвала я. Надо же, приметливый какой оказался.

– А может, и не можешь ты ничего, а, ведьма? – продолжил. – Может, и нет силы…

Я ладонью по столу хлопнула, за нить невидимую дернула и оборвала голос служителя, вокруг руки обернула. Долго не удержу, конечно, но вопросы в другой раз поостережется задавать. Можно и навсегда оборвать, но ни к чему силу тратить по пустякам, накажу только. Служитель рот открывал, да ни звука оттуда не вылетало. За горло схватился, синие глаза потемнели так, что ночь – светлее. А потом рот закрыл, зубы сжал, сидит, смотрит гневно. А я рассмеялась.

– Что, доболтался, служка? Как я живу – не твое дело, понял? А теперь иди, навес делай. Потом за крышу примешься, раз уж она тебе не нравится. Все,

пошел вон, а то и глаза выколю да съем! И так не знаю, как сдерживаюсь!

Ильмир ушел, а я хлессу накормила кашей и тоже за порог пошла. И тут плач услышала. Далеко, у опушки самой, девичий. Так уж девица стенала, убивалась, так уж слезы лила, что я испугалась – пошла как есть, даже шаль не прихватила. Обернулась через плечо: служитель за мной бежит. Зашипела, конечно, но разворачивать не стала: вдруг беда? Так уж девица голосила!

Только когда пришли, занавесила Ильмира тенью лесной, чтобы девушку не пугать. Правда, быстро поняла, что гостья не из пугливых, раз уж саму ведьму искать пошла, не побоялась. Стояла она на тропке, зареванная, коса темная до пояса. И сама пригожая: брови черные, глаза, как омуты. Я нахмурилась, всмотрелась внимательнее и вышла из тени, показалась. Девушка как меня увидела, на колени упала, солнцем голову осеняет, а потом опомнилась, встала, шатаясь, шагнула ближе. И корзину мне протягивает. Я носом повела: яйца, маслица кусок, творог утренний, хлеба буханка да шмат сала. А еще капуста квашеная, огурчики. Неплохие дары, только я даже не придвинулась. Так и стояла, смотрела да хмурилась.

– Зачем ведьму ищешь, на весь лес голосишь? – прокаркала я. Саяна прилетела, на голову мне уселась, на корзинку поглядывая. Девица побелела, но шагнула ближе, голову вздернула.

– Просить хочу! – хрипло от слез сказала она. – Об услуге… знаю, ты можешь! – Она помялась, но я молчала, так что девица, повздыхав и сочувствия от меня не дождавшись, продолжила: – Парня я одного полюбила… сильно. Так люблю, что сил моих нет! Только… Только он и не смотрит на меня. А все на Аришку заглядывается, поговаривают, жениться хочет… А я… Нет мне без него жизни! Вот, возьми мои подарки, ведьма, и привяжи ко мне любимого так, чтобы лишь на меня смотрел! Никого больше не видел!

– Любишь, говоришь, – усмехнулась я.

– Больше жизни! – горячечно выкрикнула девчонка. Я посмотрела на Ильмира. За тенью, что я на него набросила, служителя было не видно, а голос его – у меня. Так что стоял он тихо, только хмурился.

– Так любишь, что воли лишить хочешь, – протянула я, дергая носом. – К себе, немилой, ведьминым узлом привязать. Так?

– Ему со мной хорошо будет! – убежденно сказала девушка. – Я его любить буду! А батька за меня столько приданого даст, что любой счастлив будет! Да и сама я красавица, не знаю, что Грыня в этой Аришке нашел! Вот, дары мои возьми и сделай, как я прошу!

Я обошла девицу кругом, рассматривая. Да уж, красавица, тут не поспоришь. И платье на ней богатое, все в вышивке, сапожки из тонкой кожи, с каблучками.

– И правда, хороша, – усмехнулась я. – Чем не невеста? Только дары это не твои. – Девица глаза округлила, смотрит недоуменно, а я пальцем кривым в корзинку ткнула: – Маслице с молоком от коровки, хлеб от земли… Руки твои нежные в поле не работали. Что ты сама отдать можешь? Насколько сильно Грыню своего любишь?

– Больше жизни! – снова выкрикнула она. Я поморщилась досадливо. Кидаются словами от глупости, а Шайтас-то рядом и все слышит…

– Ну, раз так, пусть по-твоему будет, – оскалилась я, не обращая внимания на гневные взгляды служителя. – Сделаю, как ты просишь. – Девица вспыхнула радостно, а я продолжила: – Придет к тебе твой Грыня, воды попить попросит… Напоишь, и твоим он станет. Полюбит пуще всех на земле. Свадебку сыграете, жить счастливо будете… – красавица ногами перебрала, словно сбежать торопилась к милому с водицей, но я еще не закончила. – Хорошо жить будете. Целый год. А потом… Пожар случится. И ты супружника своего из дома вытолкнешь, а сама не успеешь. Вот и получится, что жизнь за него отдашь, как и хотела. Устраивает тебя такой расклад, красавица?

И расхохоталась, глядя на ее перепуганное побелевшее лицо. Саяна закаркала, присоединяясь к моему смеху, так что и не понять, где я каркаю, а где ворона.

– Так что, красавица, давай ладонь, скрепим договор кровью, и беги к своему Грыне! – шагнула я к ней. А она от меня, да так шарахнулась, что чуть в жухлую траву не повалилась. Трясется, губы посинели. И как кинется прочь.

– Нет, я передумала, – завопила на весь лес, – не хочу!!!

Я еще похохотала ей вслед, а потом присела, отвела осеннюю листву, освобождая след, оставшийся от изящных девичьих сапожек. Примерилась, да и плюнула на него. И заговор нашептала. Завтра же красавица сыпью покроется, волосы полезут, и изо рта смрад пойдет. Чтобы мысли глупые больше в голову дурную не лезли. Через месяц пройдет все, но до того момента пусть сидит у батьки под боком, трясется за красоту свою да боится людям показаться. Авось, поумнеет.

Саяна снова хохотать начала, да и я усмехнулась. Корзинку подхватила, Ильмиру всучила. Зачем добру пропадать? А сама развернулась и пошла в лес, делами своими заниматься. Служитель снова за мной увязался, да я тенью прикрылась, невидимой стала. Надоел, в спину таращится, пусть лучше крышу латает, а то не сегодня – завтра сбежит, а мне зимой опять мерзнуть…

***

У березы моей еще одна веточка сухая появилась. Я ее в ладонях подержала, надеясь оживить, но не смогла. С другими деревьями такое получалось, а вот с этим – нет. И знаю ведь, а все равно каждый раз стараюсь, на чудо надеюсь. Глупая я.

– Как ты тут, милая? – спросила любовно. Березонька ветви склонила, золотыми листочками по лицу моему мазнула, погладила. Я улыбнулась ласково, присела возле ствола, прижалась щекой. Саяна рядом бродила, червяков в земле искала, на паука в веточках косилась. Я посидела так, попрощалась и в чащу пошла, проверить свои ловушки лесные.

Охотники совсем плохо выглядели. Ягод несъедобных наелись, коры древесной, болотную воду пить пытались. Лица исцарапанные, измученные, глаза красные у всех. Я потихоньку ленту с пояса сняла, размотала так, чтобы они дорогу до родника нашли. Там и грибы есть, немного, но на день хватит. Уморить их голодом и жаждой я не хотела, наказать только. А уж научит это чему-то людей или нет, то не мне решать.

День прошел в обычных заботах: корешки собрала, зверье рассудила, молодое деревце поправила. До самых скал дошла – не хотела в лачугу свою возвращаться. А поняв это, скривилась. Из-за незваного гостя уже в собственный дом не хочу идти… Хотя, какой это дом, нора звериная.

Я взобралась на утес, отсюда весь лес как на ладони лежал. Села, прислонилась к скале. Духи горные выползли ужами и ящерицам, но я их прогнала, лень было с ними говорить. Сверху скала, как крыша нависала, спрятав меня от мелкого дождика, что заладил сверху. Саяна улетела-уковыляла: она горы не любит, да и дождь тоже. Предпочитает в тепле сидеть, вот в лачугу и убралась. А я глаза закрыла и сама не заметила, как задремала.

Проснулась от того, что тряс меня за плечо кто-то. Глаза распахнула, дико озираясь, и служитель отпрыгнул, чуть с утеса не свалился.

– Чего приперся? – рявкнула я.

Он рот открыл, закрыл и на горло показал. Я его голос с руки стряхнула, словно липкую паутину.

– Ворона твоя прилетела, а тебя нет, ведьма, – пояснил он.

– Ну и что? Нет меня, тебе-то какая печаль?

– В Омут проводишь, никакой печали не будет, – хмуро отозвался он. – А пока я за тобой присмотрю, чтобы сбежать не надумала!

Я поднялась с кряхтением. Тело от долгого сидения на камне затекло, заныло.

– Как ты меня нашел? – запоздало удивилась я.

Служитель плечами пожал.

– Просто думал о тебе, ведьма, и ноги сами принесли, – хмыкнул он, а я рыкнула по-звериному.

– И часто ты так дорогу находишь, а, служка? Сколько ведьм ты так находил?

– Сколько надо! – грубо оборвал он. Значит, немало… А все потому, что умеет тропки вести туда, куда захочет.

Черная тень снова мелькнула за спиной Ильмира, словно крылья вороньи. И опять я рыкнула, прогнала её, а сама задумалась, стоит ли говорить служке про тень Шайтаса за его плечами? Если бы служитель обычным был, это известие его в ближайшую обитель загнало бы, чтобы сидеть там и Светлому богу молиться до старости. Но этот Омут ищет, а значит, весть может его и обрадовать… С каждым разом его сила увеличивается, чем дольше он рядом с ведьмой, тем злее и темнее становится, света почти не осталось. И что мне с этим делать, я не знала.

– Со мной все в порядке, – грубо сказала я. – Иди спать, и не надо за мной ходить, служитель.

Он постоял, расставив ноги, словно перед ударом. А потом головой покачал.

– Со мной пойдешь, ведьма. К ночи похолодает, даже я это вижу. Закат горит… Тут на скалах совсем зябко станет. Ты мне еще живой и здоровой нужна, пока в Омут…

– А после Омута можно и на костер? – ехидно оборвала я. – И не пойду я никуда. Не хочу. Пошел вон, служка!

Я снова уселась под навес, не собираясь двигаться с места. И охнула, потому что этот паршивец подхватил меня и через плечо перекинул. И пошел себе вниз по тропинке, вдоль цветущего вереска, не обращая внимания на мой вопль. Я от подобной наглости даже растерялась. Чтобы меня, ведьму, взять и вот так через плечо?! Словно мешок! Нет, меня дух лесной, конечно, по-всякому таскал, но чтобы человек?

– Не дергайся, а то уроню. Случайно, – хмыкнув, сказал Ильмир.

Тень черная следом тащилась, смотрела глазами красными. Я вырываться и пинаться перестала, тем более что без толку. Нес он меня легко, словно и не весила я ничего, даже дыхание ни на миг не сбилось. Только думал о чем-то злом, потому что тварь мрака тьмой наливалась. Я ей в глаза посмотрела, руки протянула и зашептала, заговаривая, от следов мужских отбивая, разрывая нити связывающие. Болтаясь вниз головой это все трудно сделать, но я старалась. Даже служитель забеспокоился.

– Ты что там ворожишь, ведьма?

– Хвост тебе поросячий хочу наколдовать, – огрызнулась я. – Чтобы люди смотрели и сразу видели, кто перед ними! Не отвлекай!

Служитель хмыкнул и что-то злобное сквозь зубы выдавил. Но отвлекаться я не стала. На откуп вытащила из косицы своей ленточку. Простую, когда-то белую, но от времени – потемневшую и истончившуюся. Повертела в руках, вздохнула. Дорога она мне была, словно веревочка, с прошлым связывающая. Но отбить служителя глупого от тварей мрака важнее показалось. Все же горит в нем еще свет, может и не совсем потерян Ильмир…

Кинула ленточку, посмотрела, как полетела она белой бабочкой в пасть злобной твари. И исчезла. Но и тьма отстала, даже светлее в ночном лесу стало. Звезды засияли ярче. И служитель вздохнул с облегчением.

– Ну что, ведьма, готов хвост? А то говори, переверну тебя, чтобы и пятачок мне прилепила!

Я снова опешила. Это он что, пошутил? Кто ж с ведьмой шутки шутит? Шутник… Потянулась, сорвала с дерева веточку и за шиворот ему, изогнувшись, опустила. Ветка скользнула, как живая, по коже, до самого копчика, а там приросла, зашевелилась. Я захохотала, а Ильмир, почувствовав на теле что-то инородное, на прелую листву меня уронил и завертелся по кругу, как пес блохастый за хвостом, пытаясь рассмотреть, что у него сзади.

– Вот ведьма поганая! – заорал он. – Ты что творишь? Сколько ты еще издеваться надо мной будешь, гадюка?

– Повернись, служка, свиное рыло приделаю! – крикнула я. Он взвыл и пошел по тропе, не оглядываясь.

– Ты куда? – с насмешкой крикнула я. – А до порога донести? Как невесту ненаглядную? А на постель уложить, поцелуем приласкать? Куда же ты, Ильмир, убегаешь? Может, я плату решила стребовать? Тела твоего возжелала?

Служитель посмотрел через плечо, хмыкнул уже без злобы.

– Да что-то ты не слишком тела жаждешь, ведьма! – ухмыльнулся он. – Сдается мне, пугаешь только!

– А ты расстроился, что ли? – ответила я и макушку поскребла, озадачившись.

Так, переругиваясь, мы до лачуги и дошли. Ильмир встал у порога, обернулся, хотел сказать что-то, а потом хвост его зашевелился, служитель скривился и в лачугу ушел. Я постояла, нахмурившись, и следом шагнула. Все-таки мой это дом…

***

Ночью, правда, похолодало. Пусть и прогнала я Северко, но Зимушку не остановить. Утром она прошлась по лесу тихо, на мягких лапах снежного барса, посмотрела мне в окно глазами-звездами. Я ей поклон земной отвесила, почтение выказала, постояла она и ушла, обещав скоро вернуться. От лап барса остались на траве следы инея, сковалась опавшая листва первым ледком. Ильмир на то, как я поклоны бью, смотрел хмуро, но ничего не спрашивал. Подошел к окну, куда еще миг назад Зимушка смотрела, и замер, еще сильнее задумавшись.

Завтракала я вкусно – пригодились дары глупой девицы. Ела творог рассыпной, молочком запивая и хлебушком прикусывая, и даже жмурилась от удовольствия. Тенька, как собака, рядом сидела, лапами перебирала и чуть ли не поскуливала. Хлесса у меня за молоко готова душу продать.

Служитель от окна оторвался, пришел в закуток. Посмотрел и взял кувшин, налил Теньке молока в тарелку, поставил в углу. И эта предательница чуть ли не облизывать его бросилась! Я обиделась, отвернулась.

– Хвост отвалился, – усмехнулся Ильмир и веточку сухую на стол положил.

– Обратно приделать? – огрызнулась я.

– Это уж сама решай, ведьма. Я ведь у тебя в услужении.

– Так тебя не держит никто. Сам служить ведьме захотел.

Он себе тоже молока налил, присел на лавку. Клинок звякнул тихо. Я кивнула на ножны.

– Откуда он у тебя?

– От одного человека… Подарок. – Он любовно пробежал пальцами по рукоятке. Я покачала головой. Клинок его знающий человек делал. Ведающий. Сталь в заговорах и оберегах, рукоять – вишня и самшит, внутри солнечный янтарь силу копит. Такое оружие всегда цель поражает, врагов чует, об опасности предупреждает.

– Твой клинок ведьмак делал, – оскалившись, бросила я. – Или ведьма. Чтобы против тварей мрака бороться. А ты сталь кровью ведьминской напоил… От этого сила его меняется… Темнеет.

Ильмир вскочил, чуть стол не перевернул. Шагнул ко мне с такой ненавистью в глазах, что я пальцы соединила, готовясь силу на подмогу звать. Но нет, застыл служка, смотрит только.

– Врешь ты все, ведьма! – сипло сказал он. – Врешь! Что ни слово, то жаба! Этот клинок не мог принадлежать никому из твоего поганого племени!

– А что же тогда он у тебя из рук выскальзывал, когда на наше племя обращен был? – насмешничала я. – Было такое, служитель? По глазам вижу, что было. Теперь уже не выскальзывает, поработил ты его, дурак… Только раб никогда другом не станет, предаст…

– Замолчи! – прошипел служитель. Глаза из синих совсем черными стали, злыми…

– Я-то замолчу, но правда от этого не изменится, – пожала я плечами. – Ты и злишься так от того, что знаешь эту правду. Только признавать не хочешь. – Я поднялась, убрала со стола тарелку, сложила аккуратно остатки еды. – А мне так все равно, служитель, во что ты веришь, дело твое.

И прошла мимо застывшего Ильмира, намеренно близко, чтобы не думал, что своими сверкающими глазами способен ведьму испугать. Он хотел еще что-то

злое бросить, да тут мы голос услышали.

– … покажись! Подсоби, житья нет от нежити! Покажись, Хозяйка леса, смилуйся!

Я отпихнула развалившуюся на пороге хлессу, схватила свой кожух и клюку и пошла во двор. Служитель за мной двинулся, да и ладно. Мужиков, что ведьму звали, двое было. Я их знала: деревенские, с южной стороны моего леса. Оба с окладистыми бородами, чернобровые, отец и сын. Подошли удивительно близко к моей лачуге, знать, отчаяние вело. Так бывает: если очень человеку нужно что-то, или нужда одолевает, то даже без силы может дорожка к желаемому привести.

Я на Ильмира уже привычно тень набросила, а сама вышла к мужикам. Они, конечно, шарахнулись, головы солнцем осенили, но быстро себя в руки взяли, поклонились мне.

– Помощь твоя нужна, Хозяйка леса, – выступил вперед старший. – Погост поднялся! Служитель уж дважды приезжал, да толку от его молитв! Только вина жбан выпил и полкабана съел! – Я хмыкнула, покосилась на Ильмира. Тот на меня не смотрел, слушал внимательно. – Ты уж помоги, Хозяйка, успокой умерших! Сил нет уже! Ходят, воют, в окна заглядывают! Ночью теща покойная пришла, при жизни гадюкой была, а после смерти и подавно! Стоит у порога и такое супружнице моей, своей дочери, обо мне говорит… – мужик покраснел до самых бровей, – помоги! А мы всей деревней отблагодарим, не поскупимся.

Я постояла, раздумывая. Знаю я тот жальник, плохое место, пакостное. Хорошо, если духи шалят, а вот если твари тьмы? А оборот такой скорее на них похож… Не зря же стоят под окнами, гадости говорят. В дом не зайти, так они за порог человека манят! Но делать нечего, надо двери на погосте закрыть, а то с кладбища они могут и в лес мой поползти. Странно, что они сейчас пробились, обычно в это время года тихо. Вереск еще цветет, а этот запах твари мрака не переносят. А это плохой признак. Знать, зовет их кто-то.

Мужики мялись, шапки свои в руках теребили, уже и не пугались даже моей жуткой наружности, в глаза заглядывали. Я медленно кивнула, а они выдохнули шумно, с облегчением.

– Хорошо, – сказала я безрадостно. – Откуп приготовьте. Мяса сырого целую кабанью тушку, потроха отдельно. Кровь соберите в несколько кувшинов, с молоком молодой кобылицы смешайте. Все поняли? Я ночью приду.

Мужики снова поклон отвесили, шапки свои натянули и прочь бросились. А я подумала и ленту-тропку с пояса сняла, распустила, выпуская плененных охотников из лесной чащи. Дело мне опасное предстояло, могу и не вернуться… Но и отказать не могла. О служителе забыла даже, пошла к березе своей – не прощаться, но хоть повидаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/marina-surzhevskaya/tropami-vereska-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити